

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 87

РЕВОЛЮЦИЯ СЕМНАДЦАТОГО: КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Москва ■

2017

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.

Революция семнадцатого: культурный контекст

Выпуск 87 — М., 2017. — 52 с.

Тема революции в Никитском клубе звучит не впервые. В данном выпуске представлена вторая дискуссия в связи со столетием в текущем году Революции 1917-го. На предыдущем заседании клуба «Двадцатый век: разорванная память» — о разногласии в российском обществе в оценке событий 1917 года — не раз возникал вопрос, почему *вообще* произошли эти события? Пять лет назад на заседании на ту же тему в выступлении С.П. Капицы («Государство и революции». 27.02.2012 г., последнее заседание с участием Сергея Петровича) прозвучало: *«В какой мере мы можем распространять понятие случайности на то, что определяет нашу жизнь в том или ином масштабе?»*. Разность ответов на этот основополагающий вопрос применительно к Русской революции в обществе не убавилась. Есть внешние основания полагать, что потрясения 1917 года произошли в результате непредсказуемых обстоятельств, приведших к распаду государственной системы. Однако, опять же следуя тезису С.П. Капицы «смотреть на вещи по-крупному», — в совокупности случайных обстоятельствах развития общего кризиса в России сто лет назад проявляется закономерность.

На перекрёстке русской истории столкнулись не просто «красные» и «белые» противоборствующие силы, но противоречащие друг другу представления о реальности и будущем России. В истории русской культуры просматриваются слишком разные самоощущения России «сверху» и России «снизу». К началу XX века ментальное дробление достигло опасной фазы и в итоге обернулось тотальной системной катастрофой. В этом не было случайности и непредсказуемой игры стихий. Культурная составляющая конфликта 1917 года выявляет глубинную закономерность произошедшего. (А. Балдин.)

Напомним также точку зрения историков, прозвучавшую на заседании клуба в 2012 году: в свершении революций в России всегда виновато государство, не сумевшее предотвратить социальный взрыв; более того, если государство не может найти соответствующие меры, чтобы снять социальное напряжение, оно становится инициатором революции.

Заседание — круглый стол
«Революция семнадцатого: культурный контекст»

17 мая 2017 г.

Участники обсуждения:

Балдин Андрей Николаевич, архитектор, книжный график, эссеист

Блехер Леонид Иосифович, социолог, публицист

Качалов Роман Михайлович, заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН, профессор

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, советник-наставник мэра г. Москвы;
заместитель председателя Общественной палаты г. Москвы

Нечипоренко Юрий Дмитриевич, прозаик, художник, культуролог, биофизик

Погарский Михаил Валентинович, писатель, художник, организатор и куратор
выставок, художественных проектов

Привалов Александр Николаевич, вице-президент – председатель Совета
Никитского клуба, научный редактор журнала «Эксперт»

Разумовский Феликс Вельевич, автор и ведущий исторической программы
«Кто мы?», т/к «Культура»

Тамбовцев Виталий Леонидович, профессор экономического ф-та МГУ
им. М.В. Ломоносова

Чернихов Андрей Александрович, руководитель Архитектурной студии Андрея
Чернихова, профессор МАРХИ; первый вице-президент МААМ (Международная
академия архитектуры, Московское отделение)

Экштут Семён Аркадьевич, руководитель Центра истории искусств ИВИ РАН;
писатель

Председатель заседания — **А.Н. Привалов**

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Позвольте открыть наше очередное заседание. Сегодня мы будем обсуждать такую тему: «Революция семнадцатого: культурный контекст». Сейчас я сюда ехал в лифте с какими-то ребятами в спецовках. Они заметили наш плакатик, и один другого так иронически спрашивает: «Которого это семнадцатого?». То есть мысль о том, что нынешний семнадцатый с тем семнадцатым должен рифмоваться, широко распространена. К счастью, она не очень верна, но она есть, и это важно. Люди хотят найти какое-то понимание того давнего титанического события, которое дотла перевернуло нашу страну и сильно встряхнуло весь земной шар. Понимать пока удаётся плохо.

Наталья Михайловна [Румянцева, директор клуба] в тексте приглашения напоминает нам, что пять лет назад, в конце февраля 2012 года, аккурат перед выборами президента, собирались мы Никитским клубом (в последний раз присутствовал Сергей Петрович [Капица] на нашем заседании) и обсуждали тему «Государство и революция» — тоже, естественно, с большим упором на 1917 год. Очень хорошее было обсуждение, многогранное и толковое. Меня там позабавила моя фраза — я там признался коллегам, что знаю историю Великой русской революции гораздо хуже, чем историю Великой французской революции. Не потому, что я ту знаю хорошо, я её знаю среднестатистически, а потому что ту я понимаю лучше. Не то чтобы мне жирондисты или, там, монтаньяры были существенно ближе, чем правые и левые эсеры; просто там во всем происходящем для меня была ясна какая-то логика.

Здесь логики не увидишь до сих пор, потому что нам ввали сначала одно, потом — другое, потом — третье. Наслоение лжи и какое-то странное отсутствие единого смысла, оно налицо и сейчас. В преддверии столетней даты опубликовано невероятное количество текстов и всевозможных материалов по поводу Великой революции 1917 года. Но у меня твёрдое ощущение, что всё это обилие публикаций не научило публику понимать произошедшее лучше. Единой картины как не было, так и нет. Это может обозначать и то, что, как любят у нас писать, большая Гражданская война в России всё ещё не довоёвана, — наверное, отчасти и в этом дело. Но ещё дело может быть в том, что не там ищем.

Для того чтобы понять какое-то событие для себя, не для науки — наука без нас разберётся, как ей что понимать, а для себя понять, какое-то событие более или менее надёжно, так, чтобы завтра не захотелось перепонять, его надо с чем-то соотнести. С чем-то привычным себе, с какими-то своими реперами. И попытки соотнесения, по-моему, идут как-то не очень удачно. Не получается, ну мне так кажется, не получается соотносить тот семнадцатый год с нашим семнадцатым по каким-то стандартным экономическим ли, чисто политическим ли приметам.

Скажем, тогда, в том семнадцатом году, невероятное значение придавалось земельному вопросу. Как втолковать сегодняшнему нашему соотечественнику важность земельного вопроса? Да, умом он, наверное, это понимает, но он этого не чувствует.

А.Н. Привалов

Наоборот, сегодня подавляющее число людей, которые вообще о чём-то задумываются, понимают, например, что абсолютно непоправимо трещит пенсионная система, что не сегодня завтра она развалится с довольно богатыми последствиями для всего населения. Можно было это втолковать в том семнадцатом году? Нельзя. Даже проблемы, которые описываются одними и теми же словами, и те плохо сопоставляются друг с другом. Вот тогда, как нам говорят умные люди, Россия страдала от устаревшего сословного устройства державы. Сегодня нам говорят умные люди, что мы, в сущности, построили сословное государство. Можно построить аналогию? Нельзя: сословия разные, сам смысл этого слова оказался разный, проблемы разные, проблемы взаимоотношений между сословиями не сопоставимы, они другие.

Значит, по всей видимости, можно попытаться зайти совсем с другой стороны. На наших собраниях уже неоднократно цитировалось вообще самое, может быть, цитируемое четверостишие действительного тайного советника Гавриила Романовича Державина: «А если что и остаётся / Чрез звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрётся / И общей не уйдёт судьбы». Обычно делают акцент на том, что всё равно всё пропадёт, всё равно даже то, что сохраняется, сохраняется ненадолго, не на всю

А. Н. Балдин

вечность. Это правда. Но гораздо более сильное утверждение содержится в первых двух строках: если что-то вообще остаётся, оно остаётся чрез звуки лиры и трубы. Заметьте, не балалайки и сопелки, а лиры и трубы, то есть через высокое искусство, через высокую культуру. Если у нас есть какой-то шанс понять наших соотечественников вековой давности, он лежит здесь. Не скажу, что это шанс большой — одичание довольно заметное за это время произошло, но шанс всё равно есть. И хочется верить, что мы сегодня, может быть, отчасти сумеем этот шанс использовать.

Сегодня о культурном контексте революции семнадцатого года будут говорить для начала два докладчика. Они оба у нас не раз выступали, подробно представлять я их не буду. Андрей Николаевич Балдин, тема выступления: «Текст и бунт». Прошу, Андрей Николаевич.

А. Н. Балдин, архитектор, книжный график, эссеист

Прежде всего, необходимо объяснить, почему я решил озаботить вас этими вопросами. На одном из прошлых заседаний, когда обсуждалась тема революции и нашей расколота́й исторической памяти, прозвучало несколько тезисов, которые

меня, честно говоря, задела. Один тезис — что революция была в большой мере игрой стихий, с которыми не справилось слабое правительство. Видимо, из этого нужно сделать вывод, что теперь, в годовщину революции, когда начинают сказываться исторические «рифмы» (тот и этот семнадцатый год, возможен ли новый бунт и т.п.), нам нужно сильное правительство, чтобы не допустить хаоса. И дальше — давайте на этом и помиримся. Объявим национальное примирение, и так далее, лишь бы не было войны. Всё понятно, разумеется, нельзя этого допускать, и всё же в этом видна определённая конъюнктура.

На чём, на каком основании возможно примирение? На том, что сегодня всё прекрасно, и пусть так и остаётся? Это, кстати, сразу вызвало возражения. Но главное, что при этом прозвучало, хоть и неявно, — зачем оглядываться на сто лет назад, если там хаос и случайности? Чему можно научиться у хаоса? Я сейчас сгущаю краски, чтобы было понятно, что именно тогда насторожило. Именно это — тезис о том, что исторические закономерности условны.

И второе, что меня зацепило как исследователя истории литературы, — прозвучала известная фраза: «русский народ начитался не тех книг, и оттого совершил революцию». Во всём виноват Лев Толстой. Ещё один анекдот, тысячу раз проговорённый, вроде бы давно опровергнутый и отменённый. Но, видимо, эта галлюцинация очень устойчива. Поэтому возникла идея вернуться к этой теме и поговорить о том, насколько потрясения 1917 года были закономерны с точки зрения истории литературы, языка и, что особенно важно, насколько они были закономерны и неизбежны в контексте формирования классического русского сознания.

По сути, тогда столкнулись разные типы сознания, очень разные и очень конфликтные представления о реальности, о том, что такое Россия и каким должно быть её будущее. Это различие, точнее, этот ментальный разлом предопределили масштаб потрясений начала XX века. Разумеется, это имело отражение в литературе. Но она только фиксировала этот разлом, но не была его причиной. Об этом и хотелось бы поговорить. Я заранее прошу прощения за телеграфный стиль. Тема необъятная, поворотов и проекций смысла в ней великое множество. Я попробую изложить некую схему по пунктам, увы, упрощённую и прямолинейную.

Можно начать с Карамзина, хотя это уже первая условность. Ментальный конфликт, соревнование проектов были изначально свойственны России. Она была придумана «на вырост» ещё во Втором Риме, как следующий, идеальный Рим, и в таком увеличенном замысле всегда была сама себе велика. Борьба размеров и, соответственно, схватка языков, спор о слове — её перманентное состояние. Но временами этот конфликт становится тотальным, когда одна часть России, неважно, большая или меньшая, спорит и воюет с другой частью. Карамзин для нас показателен в том смысле, что он, в общем, уже современный человек. С него начинается тот язык, те формы сознания, которыми мы пользуемся и сегодня. Его нам легче понять.

Такие фигуры, как Константин Философ (он же Кирилл, просветитель славян), Сергей Радонежский или Дмитрий Ростовский, от нас далеки, логика их «римского»

проектирования нам не вполне ведома. Поэтому — Карамзин. Он начал осознанное строительство современного русского языка. Строительство на фоне бунта как следствие пугачёвского восстания и в контексте Великой французской революции. С него удобно, уместно начинать чертить схему под названием «Русский текст и русский бунт».

Карамзин — один из главных участников строительства новой страны — екатерининской, александровской, то есть страны европейского типа. Страна — подчёркиваю — не Рим, не мир. XVIII век, переворот сознания, появление новой, дворянской системы ценностей, соответствующей формату сознания страны. Кстати, именно тогда Россия познакомилась со словом «нация», с тем набором представлений о политических свободах, партиях, которые для нас сегодня стали нормой. И все они равны стране. Эту идеальную, или стандартную, как угодно, страну принялась строить из себя тогдашняя дворянская Россия. Этой стране потребовался новый «стандартный» язык. Этот новый язык в компании таких же, как он, умников, принимается строить Карамзин. Ещё раз — это действие после бунта (пугачёвского) и на фоне бунта (французского). Новую страну страшит бунт, и оттого её новый язык возникает как «анти-бунт». Это важно отметить в контексте темы «Текст и бунт». Карамзин, уроженец Симбирска, в пять лет наблюдавший картины пугачёвской войны, утраченный бунтом с молодых ногтей, осознанно ищет новый язык как средство успокоения народного сознания, как профилактическую социальную таблетку. Но этого мало о Карамзине.

Вот эпизод, который меня очень заинтересовал. Карамзин встречался в Париже с философом, виднейшим французским археологом того времени Жан-Жаком Бартеlemi.

И среди прочего Бартеlemi сказал ему: «То, что сейчас происходит во Франции, опасно. Всех нас, весь наш большой мир упаковывают в национальный мундир». Мир — в страну. Карамзин понял его. В его заметках, в его разговорах появляется фраза «русский больше славянина». Вот они, два формата сознания: славянин живёт в стране, а русский человек — в мире.

В этот момент сам Карамзин, создатель языка, как будто раздваивается. Он по-прежнему участвует в строительстве новой страны России, но при этом постоянно сознает, что эта новая Россия есть нечто меньшее, помещённое поверх большего. Как некая белая страница, подвешенная над бездной. Плоскость — над пространством. Страна поверх мира. Новый язык, который анти-бунт и профилактическая социальная таблетка, создаётся для неё. По сути, этот язык грамматически, концептуально калькируется с французского (отчасти немецкого) языка. Переводной характер нового языка отмечали и критиковали многие.

Немногие заметили, что сам Карамзин был не вполне погружен в эту работу. И сегодня это остаётся за кадром. Он хорошо различал новый «национальный мундир», в который тогда переодевалась Россия, и сам не спешил в него переодеваться. Мы говорили об этом недавно: Карамзин был больше своего проекта — он был «трёхмерен», а новая страна «двумерна». Он не желал записываться ни в новаторы,

ни в консерваторы, оттого что ему были тесны эти новые политические рамки. Они действовали в стране, а он жил в мире. Чем больше он погружался в русскую историю, тем отчётливее понимал, что это история мира. Обратите внимание: он назвал свой главный труд историей российского государства, а не историей России. Это важная дефиниция. Карамзин писал историю «сверху», иерархическую, романовскую историю, сам же интересовался историей «снизу» — от человека, от гражданина.

Его литературный проект, сразу привлёкший внимание повестью «Бедная Лиза», не вписывался в чертёж новой страны. Карамзин по этому поводу серьёзно разошёлся со своими вчерашними собратьями-масонами. Можно сказать, следуя заявленной схеме, что это был текст для мира, не для страны. В этом состояла драма помещения, двоения текстов. На поверхности всё было гладко, никто не писал так гладко, как Карамзин, — по той самой гладко расстеленной стране-бумаге, новой, дворянской России. Грамматически уравновешенно, быстро и ровно. Но этот его текст обладал скрытой глубиной. Он обещал другой, больший язык, не для мундира, но для человека.

Пушкин понял или почувствовал это. Не сразу, сначала он свободно, грамматически комфортно катался своим скорым словом по новой стране-странице. Писал «двумерно», гладко, быстро. Во всём, вплоть до азбуки, ставил французский язык выше русского — как образец, пример для подражания. Но пришло время, и он распознал большого Карамзина. Когда? В момент сенатского бунта, в декабре 1825 года. В этот момент появляется новый, больший Пушкин. В Михайловском с ним случается важная метаморфоза. Он вслед за Карамзиным различает Россию как мир, и для неё, большей, пишет «Бориса Годунова».

Письма Пушкина лета 1825 года — удивительны, они о росте, о развороте большего пространства в его сознания. К концу года («Годунов» закончен в октябре) он уже не помещается, как и его учитель, в романовской бумажной плоскости, в их «европейской» стране. Дальше совершается замечательное упражнение на тему «Текст и бунт». В декабре того поворотного года «увеличенный» Пушкин-для-мира не едет в Петербург на Сенатскую, где его друзья республиканцы пытаются что-то совершить — в стране. Но он уже в ней не поместился, вышел на воздух, в следующий формат сознания.

Есть известный литературный анекдот: Пушкин не поехал на Сенатскую, потому что дорогу ему перебежал заяц. Шутка, хлопок смысла. Так нам понятнее, так привычно толковать разворот свободолюбивого, но суеверного Пушкина по дороге в Петербург. Но не сам ли он так над нами пошутил? Так он отшутился, прикрыл анекдотом своё неучастие в восстании. Причина его разворота видится гораздо глубже. После «Годунова» ему куда лучше видно, что такое русская смута. Нет, он вслед за Карамзиным не хочет участвовать в «двумерной» республиканской игре. Он готов посмеяться над ней! В день восстания, 14 декабря, он пишет «Графа Нулина». Дата ему, скорее всего, была известна. Но что такое «Граф Нулин»? «Пора, пора! рога трубят» — сатира на русских римлян,

откликнувшихся на зов Европы. Сам Пушкин пишет на другом, бóльшем языке, пишет для мира, в пределах которого события на Сенатской только фрагмент реальности, её видимая поверхность, не глубина, не суть этого мира. Такова пушкинская формула, так у него взаимосвязаны текст и бунт.

В принципе, схема проста. На очередном этапе истории России, которая в определённом смысле представляет собой эволюцию её самосознания, появляется новый русский язык, новый текст. И этот новый текст как зеркало показывает её раздвоенное состояние — Россия есть одновременно (дворянская, «верхняя») страна и (народный, «нижний») мир. Это раздвоение, взаимное непомещение мира и страны выражается в пугачёвском бунте: «нижний» мир не помещается в «верхней» стране, выламывается, рвёт её бумажную оболочку.

Новый текст как воплощение этого конфликта сам раздваивается. Появляются книги «сверху», охранительные, анти-бунташные. Лучший пример — «Путешествие в землю Офирскую» князя Щербатова. И — книги не помещённые, не встраивающиеся в новый дворянский размер, пример — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Замечательно, что обе книги о путешествии, о формировании нового ментального пространства России. «Плоский» текст для страны и непомерно большой, «объёмный» текст — для мира. «Страна и мир» — в самом деле простая схема.

Нужно добавить: бóльший текст-для-мира — норма для России. Он соответствует её исходному «римскому» заданию. Россия в ментальном плане, как замысел, — многомерна. Это помещение на вырост, и на каждом этапе её истории мы можем наблюдать постепенное приращение измерений её сознания. Приращение — нормально. Развитие языка и текста, которое происходит в процессе авторского действия, как правило, без приказа «сверху», в игре интуиции и прозрений, в состоянии максимального творческого напряжения, — нормально.

Нормально, что Карамзин, встраиваясь в размер новой страны, пишет по заданию — и вне задания, превышая заданную планку, как в «Бедной Лизе» и в «Истории». Нормально, что Пушкин в процессе своего внутреннего роста переходит от формата текста-для-страны к формату текста-для-мира, к «Годунову» и «Пророку».

Наверное, не вполне нормально, драматично и болезненно, но закономерно переходит к большему размеру письма Лермонтов. От ученического, квази-пушкинского, «западного», текста — к собственному, «южному», кавказскому.

Совершенно нормально и закономерно, что к сороковым годам XIX века русский текст стараниями своих передовых носителей — учёных, переводчиков, литераторов осознанно, на уровне манифеста переходит на новый размер письма. Очень интересно сопоставление двух переводов Библии на современный русский язык. В карамзинское время появляется первый перевод Библии. В 40-е годы он «отменяется» и принципиально перевёрстывается заново. Выходит новая «Русская грамматика» (Востокова), является целая плеяда литературных гениев (Тургенев, Достоевский, спустя немного времени Лев Толстой), которые пишут по-новому, «увеличено» — для

мира. Кстати, внешний мир начинает различать русскую литературу именно с этого времени. Неудивительно: новый русский язык становится полон и развёрнут, он делается современным языком в полном смысле слова.

В этот момент совершается трагедия, катастрофа ментального русского пространства. Это не моё определение, так высказывались на эту тему Толстой и поколением позже Чехов. Россия проигрывает несчастную Крымскую войну и после этого поражения начинает заново обустривать себя как страну — в подражание странам-победительницам, Франции и Британии. Это был фатальный сбой системы. Россию, выросшую в своём самосознании, заговорившую на новом языке, думающую современно, начинают заталкивать в «национальный мундир», о котором когда-то говорил Карамзину ещё Бартеlemi.

Это было системное действие, провинциально-подражательное и, кстати, нам очень знакомое. У меня были приятели, историки, которые исследовали реформы 60 годов XIX века и те, что на наших глазах производились в 90-е годы, по пунктам: переформат мира в страну. Одно и то же, повтор, как будто запустили грампластинку. И — трагедия, тогда и сейчас: сужение, стеснение и непомещение.

Толстой принципиально не помещается в «национальной стране». Пишет роман «Война и мир», в котором демонстративно, на уровне заголовка, заявляет Россию как мир. Это его осознанная и последовательная позиция. Ещё начиная работу, в наброске романа «Декабристы», он с великой досадой описывает новую, проигравшую Россию как страну и ставит ей в пример прежнюю Россию, которая была миром. Россия как мир победила Наполеона (Толстой пишет, мы его отшлёпали, а теперь другой Наполеон, третий, слабое подобие первого, отшлёпал нас.)

Россия выигрывает как мир и проигрывает как страна — таков предельно ясный вывод Толстого. То, что после Крымского поражения её спешно и грубо начали переформатировать в «стандартную» страну, он оценивает как системную катастрофу. Россия как мир не поместится в Россию как страну, она треснет и развалится. Позже в «Анне Карениной» Толстой уже с отчаянием пишет о том же, предрекая устами второстепенного персонажа, что Россию и Турцию как два мира ждёт одинаковая судьба после превращения их в две страны. Ту и другую империю ждёт крах, как неизбежное следствие грубой и прямолинейной квази-европейской национализации.

Спрашивается — ошибся ли Толстой в своём прогнозе? Нисколько. Он как в воду глядел. Россия и Турция синхронно пришли к системному кризису, по сути своей — националистическому. В России это был романовский национализм, сначала, при Александре II, подражательно-европейский, затем, при Александре III, — «наш», отечественный, весь в узорах и псевдорусских украшениях в стиле петербургского Храма «Спаса на Крови». Это было системное явление, с неизбежностью предрекающее дальнейший системный крах.

Не нужно всё валить на «слабого» Николая II, допустившего тотальный русский бунт. Все предпосылки для него — ментальные, связанные с несовпадением России

как мира и России как страны, были заложены заранее. Об этом предупреждал Лев Толстой. Спрашивается, был ли он бунтовщиком? Нет, не был. Он жил в нормальном — подчёркиваю — нормальном-авторском «размере», писал на большом русском языке, языке для России-мира. Он был носителем и лучшим воплощением этого языка и никак не мог себя сузить, втесниться в «плоскость» романовского национализма.

Толстой отрицал национализм, сначала отстранялся от него, затем прямо его ненавидел, полагая эту хворь худшим злом для России как мира. И он был прав: национализм — системный яд для России, худший из всех возможных. Толстой предупреждал об этом, понимая, что в случае развития этой болезни Россию ждёт тотальный крах. Какой же он революционер? Он предупреждал о грядущей катастрофе, как предупреждала об этом вся русская литература второй половины XIX века. Вся она была о непомещении нормального современного человека в архаические, изжившие себя рамки «дворянской страны».

Можно ли говорить, что в революции виновата литература? Ни в коем случае. Это анекдоты, прятки от реального диагноза произошедшего. Диагноз прост: в том крахе, что совершился в России в начале XX века, виноваты те, кто заталкивал её в «национальный мундир». Мир — в страну. В этом была аномалия. Русская норма, современный человек в России, независимо от его звания и состояния, не поместились в прежний искусственный размер страны.

Чехов пишет об этом в 1890 году, двигаясь на Сахалин. Он наблюдает мутации России как страны. Главная беда, по его мнению, совершилась в 1855 году после крымского поражения. Россию тогда начали перелицовывать во что-то меньшее и убогое. Чехов не сговаривался на этот счёт с Толстым. В том году они ещё не были лично знакомы. По Чехову, Россия до 1855 года развивалась во все стороны, посылала своих лучших сыновей на восток — просветителей, учёных, носителей современной цивилизации. После 1855 года Россия, превратившаяся в страну, начала посылать на восток транспорты с уголовниками. Новая страна Россия развернулась к Дальнему Востоку задом, превратила его в клоаку. И, дописывает Чехов, если это дело продолжится, мы потеряем Дальний Восток.

Это было написано за 15 лет до несчастной «победоносной» войны с Японией. Он, как и Толстой, предрекает России системную катастрофу. Толстой в его глазах — последний надёжный «крючок», на котором русское сознание удерживает себя в формате мира. «Умрёт Толстой — всё к чёрту пойдёт» — таков чеховский прогноз. И он сбывается, этот прогноз. Спрашивается, революционер ли доктор Чехов? Ни в коем случае. Он — литературный индикатор, лакмусовая бумага, указывающая на общую системную проблему.

Непомещение современного сознания в рамки «национального мундира», в который то силой, то бессилием помещала власть Россию как мир, — литературный текст показывает это определённно. Ничего не начитался русский народ, он образовался — в прямом и переносном значении этого слова. Этому образованному народу

потребовалась следующая Россия — вместо неё ему подсунили «мундир». Он лопнул, этот «мундир» — такова была ментально-пространственная составляющая потрясенной России в начале XX века. Они были закономерны. В этом не было случайности, и литература тут ни при чём.

Революция и последовавшая за ней гражданская война были проявлением тотального конфликта России-как-мира и России-как-страны. В тех конкретных условиях это выразилось в том, что «красный» мир победил «белую» страну. Россия утонула в крови и пришла именно к этому результату: красные интернационалисты победили белых националистов. Это было «стереометрически» закономерно и совершенно неслучайно. Случайности возникали попутно.

Об этом я хотел рассказать, показать на уровне схемы. Разумеется, прямолинейной и грубой, за что я заранее извинился.

Ещё два слова. Сейчас мы наблюдаем ту же игру стереометрий. Выдумана очередная квазиевропейская Россия, которой адресован стандартный набор национальных ценностей. И в этот «мундир» страны старательно запихивается Россия как мир. Ничего не получается. Ломаются и мутируют её сложные системы (самый наглядный пример — новое «образование», отупляющее, а не просвещающее народ), берут верх примитивные экономические установки, которые здесь нет смысла обсуждать. Всё это спазмы непомещения. В очередной раз Россия как мир не влезает в нелепый и поспешный «плоский» проект страны. Нужно думать о проекте мира, толстовско-чеховского, если угодно, способного к последовательному стратегическому развитию.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Очень хорошо, убедительно вы рассказали свою схему. Извините, но первый вопрос, который возникает у слушателя, должен быть простым. Скажите, вот эти ребята, которые зрели-зрели, пухли-пухли в своих трёх измерениях, созрели во что-то такое сложное, богатое, современное, что не вмещалось в Романовскую империю, — они потом благополучно вместились в РСФСР, да?

А. Н. Балдин

Это непростой вопрос. Одним из факторов победы красных было именно то, что они создавали мир, а не страну, то, что они основали союз, систему новых стран. И этого пространственного запала России хватило, чтобы восстановить себя как целое. Вплоть до Тихого океана. Что было потом, я сейчас не буду анализировать.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Естественно, вопросы и замечания к Андрею Николаевичу последуют после второго доклада. А пока Феликс Вельевич — прошу вас.

Ф. В. Разумовский, автор и ведущий исторической программы «Кто мы?»,
т/к «Культура»

Спасибо. Так получается, что я продолжу с того места, на котором Андрей Николаевич закончил.

У нас разговор идёт в таком русле, что события семнадцатого года — это ментальная катастрофа. Безусловно, это никакой не прорыв в светлое будущее, вообще не обретение каких-то новых возможностей и вообще открытий. Это разрушение. Так вот о том, что национальное сознание готово к такому разрушению, Антон Павлович Чехов, о котором уже сегодня говорили, поведал, сформулировал, описал в одном из самых блестящих и последних своих рассказов «Невеста». Вы меня простите, может, кто-то забыл, буквально в двух словах позволю себе напомнить замечательный сюжет.

Изображён красивый русский город — красота этого места особенно прописана. В этом красивом старом русском городе замечательный дом с садом, что тоже добавляет красоты, в котором живёт семья. В этой семье пребывает молодая особа, она готовится выйти замуж. Есть жених, и вообще всё должно вот-вот получиться, всё должно закончиться хорошо. И вдруг она ни с того ни с сего покидает этот дом, покидает этот город и уезжает в Петербург. Когда в декабре 1902 года Чехов начал над этим рассказом работать, он в письме написал: ««Пишу я рассказ, но он выходит таким страшным, что даже Леонида Андреева заткну за пояс»¹. Казалось бы, а что тут страшного? Ну, молодые люди в последний момент, так сказать, разочаровались друг в друге. В чём тут дело?

Дело в появлении новой ментальности и новой культурной психологии — психологии отречения. Отречения от своего места, от этого города, от дома, и в конечном счёте — от страны, то есть от России, которая тоже является в определённом смысле домом. Значит, вот это отречение, это бегство.

Это последний рассказ Чехова, к нему приковано всеобщее внимание. Литературная публика знакомится с рассказом уже в рукописи. Никто ничего не понимает. Все говорят, ну вот наконец-то Антон Павлович написал о девушке, которая, вместо того чтобы киснуть и задаваться вопросом, что будет через сто лет, идёт в революцию, как это замечательно, наконец-то у Антона Павловича появился такой действующий герой. Причём такие писатели, как, например, Горький, Вересаев, Волошин, пишут о том, что дан пример устремления к новому миру, и это хорошо.

А почему рассказ — страшный? Чехов был бы не Чеховым, если бы он не показал, что никакого нового мира не будет, — вот в этом рассказе он изображает этот новый мир. Дело в том, что девушку соблазняет, подбивает на её поступок такой персонаж Саша. Это один из чеховских вечных студентов, которого на лето пригласили в этот

---

¹ См. <http://chehov.niv.ru/chehov/text/nevesta.htm>

Ф. В. Разумовский

замечательный дом, чтобы он отъелся, подлечился. И он рассказывает этой девушке, чьей-то невесте и будущей жене, что город, где она живёт, совершенно безобразный, вся эта жизнь ничего не стоит, надо всё это бросить: что мы здесь построим? мы построим рай там и т.д. В конце рассказа мы попадаем в этот «рай», то есть в комнату этого Саши. Саша живёт в Москве, ушедшая из дома невеста теперь уже учится в Петербурге и навещает его по дороге в родной город, куда едет на каникулы.

Чехов здесь мастерски описывает эту заплёванную комнату, где везде грязь,дохлые мухи валяются. Сам Саша ничего не умеет делать, он просто бездарь. Тем не менее этот бездарь говорит, что «мы построим замечательную жизнь», и ради этой прекрасной жизни надо от всего, что у нас есть, отказаться.

Эта психология, конечно, существовала давно, но в начале XX века в среде русского такого образованного, европеизированного класса она приобретает доминирующее значение: появляется этот самый «новый человек», и все ждут нового. Все ждут — это бесконечная тема в разных мемуарах, — когда наступит новая, ясная жизнь. Ну, как известно, Александр Александрович Блок будет ждать этого момента чуть ли не до января 1918 года, когда вокруг него уже бог знает что будет твориться.

Такие девушки, такие невесты и их женихи, как в рассказе Чехова,— это совершенно реальные персонажи, каждый может вспомнить соответствующих героев. Я приведу известный пример: Ариадна Тыркова, довольно видный деятель кадетской партии, погрузившаяся с головой в политическую деятельность, в революцию, тоже была когда-то невестой. Но когда она посмотрела, что из этого получается, то есть на события семнадцатого года и далее, и оказалась за границей, она имела мужество и интеллектуальную состоятельность, чтобы написать о том, что же произошло.

В её мемуарах есть такие слова, которые многое объясняют: «Всё богатство, разнообразие, красота Российской империи прошли мимо нашего школьного обучения, как и красота православия». Этот мир, который покидали, с которым так безоглядно прощались эти русские невесты, был им просто неведом, они его совершенно не знали.

В этом, очевидно, трагедия всей русской культуры имперского периода, которая была в самом своём начале, в имперском начале, расколота на культуру небольшого европеизированного верхнего слоя и на традиционную культуру основной крестьянской массы. Этот раскол привёл к тому, что в начале XX века верхний слой — элита отказалась от своей главной миссии. А миссия заключалась в том, чтобы озаботиться, как развивать, как устраивать эту землю, эту культуру, эту цивилизацию, что с этим делать. Нет, пришли к выводу, пришли к внутреннему убеждению, что этот мир лучше разрушить и на его месте построить нечто новое, прекрасное. Кто-то при этом, конечно, слушал музыку революции, это уж в зависимости от способностей.

Это ситуация некоего ментального тупика: развития нет, и потому дальше надо всё разрушать. Для этой задачи история пригласит известных персонажей, которые, разыграв партию в октябре семнадцатого года, начнут разрушать русский мир просто кусками, один за другим. Довольно быстро в небытие уйдёт русское офицерство, гуманитарная научная школа. Будет уничтожен русский торгово-промышленный слой. Всё будет уничтожаться, иногда одновременно, иногда по частям, вот только с церковью не всё получится. В конце двадцатого года будет сломлен хребет русскому крестьянству.

Но ведь этот выбор был сделан ещё в начале XX века. Для того чтобы перейти к ситуации в сознании русского крестьянства, приведу такой любопытный факт. Знакомец Ариадны Тырковой, её коллега по партийным делам Петрункевич², в 1905 году, когда начались известные события, которые привычно аттестуются как Первая русская революция, — Петрункевич жил у себя в усадьбе в Тверской губернии. Он эту усадьбу, как известно, купил специально, чтобы иметь возможность

---

² Петрункевич Иван Ильич (1844–1928) — юрист, один из лидеров земского движения, российский политический деятель, видный член кадетской партии, депутат Государственной думы I созыва (1905).

участвовать в выборах в Государственную думу. Так вот его, такого признанного борца за свободу, за парламентаризм, в 1905 году местные крестьяне немножко пограбили и привели его усадьбу в недолжное состояние. Приписать эту картину революционным событиям было бы странно, потому что крестьяне, разбивающие усадьбу русского революционера, не одним с ним делом заняты, это очевидно. Петрункевич, конечно, был шокирован таким развитием событий.

Тем не менее это одна из картин так называемой Первой русской революции, которая, на мой взгляд, таковой не являлась. 1905 год — это не революция, как и 1917-й. Кто-то скажет, неважно, как это всё называлось, и даже тут спорить не о чем. Мне кажется, это очень важно. Потому что за понятиями идут смыслы, и отсюда, естественно, наше понимание. Идея Великой российской революции, как бы сочинённая по образу той самой Великой французской революции, о которой мы знаем больше, чем о своей, — не очень, на мой взгляд, уместная история.

Итак, 1905 год называют, и это справедливо, репетицией семнадцатого года. Основное событие — это, конечно, массовый погром русских усадеб. В конце этого периода, этого погрома, Иван Бунин пишет свою знаменитую повесть, которая описывает ситуацию в деревне, повесть так и называется: «Деревня». Достаточно прочитать эту повесть, чтобы понять, что вообще этот мир, его устройство находится не просто в глубочайшем кризисе, а это тупик. Это мир, который не может развиваться. В этом мире нет элиты.

Наиболее дееспособные люди этого мира — два главных героя Кузьма и Тихон; один — человек дела, такой крестьянский капиталист, а второй — неудавшийся, несостоявшийся представитель сельской элиты, то есть человек, имевший склонность к гуманитарному знанию, осмыслению того, что происходит. А он ничего не понимает и не может решить свою задачу, потому что для этого нужно получить европейское образование. Но можно себе представить, что как только бы он получил это образование, он стал бы чуждым человеком для этого мира. В конце концов он и остаётся просто русским выпивающим мужиком. Так же, как и его брат. Несмотря на то что они прошли разные пути — один прошёл путь такого русского сельского промышленника, точнее, своеобразного буржуа, а второй — такого сельского интеллигента, — итог был один: они встречаются, выпивают и понимают, что жизнь их, в общем, прошла абсолютно бесцельно, и они упёрлись в тупик.

Но у Бунина в этой повести есть один элемент, второстепенный персонаж, которому, на самом деле, принадлежит будущее. Этот персонаж — так называемый Денис. Это один из молодых мужиков, парень жестокий, нахальный, нахрапистый. Съездил на шахту, привёз с собой несколько большевистских брошюрок. Вот он и будет главным действующим лицом в той Гражданской войне, которую развернут на Русской равнине большевики.

Потому что главный герой этой войны Ленин, он же революции-то не обещал. В 1914 году, в августе, как только началась Первая мировая война, он собрал

в Швейцарии своих сторонников и объявил о своей идее, об этом лозунге «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Причём, как известно, он попытался реализовать этот лозунг на просторах Европы, сколачивал так называемую Циммервальдскую компанию³, то есть предлагал разным европейским социалистам пойти на предательство своего правительства. Естественно, почти никто не согласился. Восемь человек согласились на это предательство, из них пять из России и три из Европы.

Таким образом, этот деревенский мир, где нет ни представителей элиты, где нет вообще понимания, как устраивать эту жизнь, кончается тем, что описано в другом бунинском рассказе, который называется «Последняя весна», то есть весна шестнадцатого года. Описана русская деревня во время Первой мировой войны — деревня, которой совершенно наплевать на то, что идёт война. Прочту одну фразу: «Нехай воюют,— говорит немолодой крепкий мужик,— нехай воюют. Спокон веку воевали и опять будут воевать». Деревня воевать не хочет, не будет и вообще считает защиту этой земли и этого пространства делом для себя необязательным. Это полное разложение и утрата той самой монархической и государственной идеи, благодаря чему было возможно уничтожение русского мира, за который принялись сторонники Ленина, после того как они изменили правила игры. Они не взяли власть в октябре семнадцатого года, потому что власти, вообще-то, не было. Деревня была в состоянии смуты, там было безвластие. Но они изменили правила игры. Потом они эту власть установили с помощью ВЧК, тайной полиции и т.д. И с помощью вот таких денисов они будут этот мир, так скажем, уничтожать или демонтировать.

В ситуации отречения от России европеизированного слоя общества традиционное крестьянство, находясь в состоянии без развития, по сути дела, пришло к полной утрате сложных культурных понятий. И государственность, и монархия, и русская земля — понятия сложные. А вот, так сказать, земля, свой надел и т.д. — это понятия гораздо простые. Собственно, такой сюжет я хотел предложить вашему вниманию.

А. Н. Привалов

Спасибо, Феликс Вельевич. Прошу, господа, вопросы к обоим докладчикам.

М. В. Погарский, *писатель, художник, организатор и куратор выставок, художественных проектов*

У меня вопрос к Андрею Николаевичу. Андрей Николаевич сделал блестящий доклад, набросал схему, но вот хотелось бы на этот скелет — пару кусочков мяса.

---

³ Левый Циммервальд — *Циммервальдская левая группа* — группа левых интернационалистов, основана по инициативе В. И. Ленина на Международной социалистической конференции в Циммервальде в сентябре 1915 г.

М. В. Погарский

Первый вопрос: тезис о том, что Карамзин сознательно строил язык антибунта. Что под этим понимается, можно ли какие-то примеры привести? Вряд ли всё-таки Карамзин отдавал себе отчёт в том, что он строит язык. Это моё мнение, формулирую как вопрос. И второй вопрос: можно ли привести примеры, что такое двухмерный и что такое трёхмерный язык, чтобы понимать, о чём идёт речь?

А. Н. Балдин

На второй вопрос мне будет сложно ответить в двух словах.

А. Н. Привалов

На второй вопрос давайте я отвечу. Пушкин написал Плетнёву: «Какого тебе Бориса, на какие лекции? В моем "Борисе" бранятся по-матерну на всех языках». (Письмо Плетнёву. Март, 1826.) Вот вам трёхмерный язык.

А. Н. Балдин

Ну вот, опять все мы сводим к какому-то афоризму, анекдоту и т.д., и т.п. Я лучше вспомню другой сюжет с Пушкиным. Когда он вернулся из Михайловского, где-то году

в 1928-м, случился эпизод самый показательный. Пушкин шёл по Невскому и увидел в витрине книжной лавки Смирдина картину Брюллова «Итальянское утро». Все мы помним: девушка с кистью винограда. И вот Александр Сергеевич останавливается и начинает кричать на весь Невский проспект: «Это я, это моё, я сейчас так пишу!». Никто его тогда толком не понял. А он говорил именно о своём новом «трёхмерном» языке.

Пушкин открылся следующему пространству, тексту-для-мира. «Итальянское утро» Брюллова — демонстрация воздуха, идеального пространства, одна из первых в русской живописи. Пушкин «узнал» этот воздух. Он в Михайловском не просто написал что-то новое. Он как будто порвал прежнюю бумагу, по которой его старое письмо текло так гладко. Пушкин расчленил композицию: от последовательного описания сцен он перешёл к их свободному монтажу. Начал писать «вразбивку» — воздушно, пространственно. Он был в совершенном восторге от этой метаморфозы, от своего расширения и умножения. Летом 1825 года он прямо пишет Вяземскому: «Я вырос. Теперь я могу творить в полной мере». Вот вам «трёхмерный» язык.

Пушкина, кстати, не сразу поняли. «Годунов» далеко не сразу стал символом новой литературы. Но по прошествии нескольких поколений именно «Годунов» стал символом новой драматургии, нового пространства сознания. Время, большая история открылись Пушкину, а затем и нам всем в том «окне», которым стала дня него страница с текстом.

Что касается проектов нового русского сознания и участия в них Карамзина, то здесь картина весьма занятая, одновременно запутанная и как бы замаскированная. Всё это были масонские игры, а они были большие мастера прятков. О том, как в эти тайные игры входил Карамзин, можно судить по косвенным признакам. Сначала, в конце 1780-х годов, он вместе с реформаторами русского разума. В Европу в 1789 году его провожает виднейший масон тех лет Гамалея, пишет ему инструкции, даёт рекомендации и прочее.

Возвращается Карамзин другим человеком, затевает собственную литературную игру, пишет уже упомянутую «Бедную Лизу» — и ссорится со вчерашними братьями. То есть: мы можем уверенно отметить его вход в круг посвящённых новиковцев — и выход из него.

В детали, которые многочисленны и противоречивы, и к тому же хорошо спрятаны, сейчас, я думаю, входить нет смысла. Нужно только учитывать, что Карамзин всегда действует осознанно и «зряче», это вообще один из самых отрефлексированных русских сочинителей. Он архитектор сознания, создатель изящных ментальных конструкций, что мне, архитектору, чрезвычайно интересно. И этот архитектор сначала участвует в общем проекте — европейском, «страно-образующем» на языке предложенной схемы. Его принимают благосклонно, включают в общий круг, а затем он начинает чертить по-своему и литературу, и позже историю, адресуя их уже не стране, но миру, и его исключают из прежнего круга. По этим «плюсу» и «минусу» можно в общем судить о его действиях, разумеется, в некотором приближении. Подробности, фамилии — как-нибудь в другой раз.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу вас.

В. Л. Тамбовцев, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

У меня к Феликсу Вельевичу вопрос. Вывод Бунина относительно тупиковости мира — вы с ним согласны?

Ф. В. Разумовский

Тупиковости деревенского мира.

В. Л. Тамбовцев

Конечно. Деревенский мир — это же есть мир по Андрею Николаевичу [Балдину].

Ф. В. Разумовский

Это вывод не 1860 года, когда начинаются реформы, не вывод пушкинского времени, не вывод XVIII века. Это вывод 1910 года: на эту дату — да, это ситуация тупиковая.

В. Л. Тамбовцев

Вы с ним согласны, с этим выводом?

Ф. В. Разумовский

Да, я согласен.

В. Л. Тамбовцев

Тогда следующий вопрос. Вы считаете, что это результат естественного развития деревенского мира или здесь есть некие недоработки со стороны власти, которая недоучила, не просветила, не показала светлых вершин и чего-то ещё?

Ф. В. Разумовский

Очень хороший вопрос. Конечно, это противоестественная ситуация. Ну конечно! Мы ведь начали разговор с того, что единый русский мир расколот культурно, расколот в результате такой неудачной вестернизации. Элита практически не понимает и не умеет управлять этой традиционной массой. Это продолжалось довольно долго. Если говорить совсем просто, в результате того, что народ был предоставлен самому себе, все его традиционные институты стали разлагаться. В начале XX века эта ситуация достигла уже невыносимого уровня.

В. Л. Тамбовцев

Последний вопрос в этой связи. А как же опыт абсолютно непринятых миром народовольцев и всех прочих, кто ходил в народ? Они же ходили просвещать, но почему-то желания просвещаться не было.

В.Л. Тамбовцев

Ф. В. Разумовский

Это один из примеров той трещины, того разлома, который существовал между европеизированным и традиционным слоями. Любой человек из того европеизированного мира, кто оказывается в деревне,— это барин. К своему ещё барину, ладно, до поры до времени отношение терпимое. До поры до времени. А уж к чужому,— этого надо тащить в участок! А что он предлагает там не платить налоги, не слушаться царя — в это даже никто вникать не будет. С ним поступают, я не знаю, как с таким иностранным шпионом, вот и всё.

А. Н. Привалов

Ещё вопросы?

С. А. Экштут, *писатель, историк, руководитель Центра истории искусств ИВИ РАН*

Андрей Николаевич, вопрос к вам. У вас прозвучала такая мысль, когда вы говорили о Карамзине, что он был за тех и за других,— речь шла о декабристах. Ну, то, что он, мирный историограф, «алкал пушечного грома»,— эта фраза известна и широко

С. А. Экштут

тиражируется. Меня интересует вопрос: а вы можете привести пример того, что Карамзин был за декабристов, особенно после подавления восстания? Хотя бы один пример?

А. Н. Балдин

Нет, я, конечно, не имел в виду после подавления восстания. Я имел в виду то, что он так или иначе был с ними до восстания. Это в каком-то смысле дети его, это его ученики. И когда он говорил, что в душе он республиканец, то имел в виду именно это — интеллектуальное, философское родство с ними. Но когда его называли республиканцем, он немедленно отвечал, что не дай бог в России будет республика, я лучше в Стамбул убегу, потому что мне нужна империя.

Слово «раздвоен» применимо после декабря 1825 года. До того он был «умножен». Эта формула Карамзина как множества меня очень устраивает. С того момента как он разобрался в чертеже событий, Карамзин пребывал в большем пространстве смысла. Это выражалось во всём, в том числе в постоянной демонстрации своего достоинства. События на Сенатской надломили Карамзина и в конечном счёте уложили через полгода в могилу. Понятно, что он простудился: он был в кружевных

Р. М. Качалов

чулках, это всё ясно. Но именно этот сбой: ученики профанировали его идею, подняли бунт в стране, не различив в России мира, который он, Карамзин, видел и жил в нём, эта роковая ошибка показывает, что он был «больше». Он был «больше» декабристов и, я думаю, «больше» нового императора, Николая I. Не поместился — был умножен, стал раздвоен и раздроблен. Личная трагедия, которая затем не раз повторилась. В том числе в 1917 году.

А. Н. Привалов

Ну, и потом есть то, о чём было сказано у Пушкина: в любом случае на обеих сторонах были родные и друзья, в любом случае это было тогда абсолютно неизбежно.

Ещё вопросы, пожалуйста. Прошу вас.

Р. М. Качалов, *заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН, профессор*

У меня вопрос к обоим докладчикам. Но прежде я хочу сделать небольшую ремарку — напомнить в связи с тем, что сказал Андрей Николаевич про

образование, которое у нас сейчас находится в состоянии, в каком оно находится, и напомнить слова вяленой воблы из известной сказки Салтыкова-Щедрина. Вобла говорила, что это даже хорошо, что у меня мозги высушены, зато превратных толкований не будет. Помните, наверное, эту замечательную фразу, не стареющую совершенно.

У меня к вам такой вопрос. Вы вскользь упомянули, что сословная стратификация исчезла. А вам не кажется, что это негативный, вообще говоря, фактор? Сословное разделения играло, по-моему, какую-то положительную роль, по крайней мере, в России и препятствовало развитию охлократии. У вас нет такого впечатления?

А. Н. Балдин

На мой взгляд, сегодня сословная стратификация не просто негативна, но прямо опасна. Тем более, что она зиждется на общей экономической несправедливости. Нынешние игры в дворянство, в строительство очередной, скрыто сословной национальной идеи, нелепы и опасны

Р. М. Качалов

Я не понял: что именно опасно-то — отсутствие?

А. Н. Балдин

Нет, опасен бунт, который может произойти по причине этой игры.

Р. М. Качалов

Отсутствие или наоборот?

А. Н. Балдин

Опасна ложная стратификация. Она неизбежно соседствует с национализмом. Чьи-то блаженные воспоминания о русском рае времён Александра III — следствие исторической неграмотности, галлюцинации и дым. Но они соблазнительны, они побуждают к новому нелепому сочинению. Когда известный режиссёр говорит, что нам нужно срочно «скреативить» новую национальную идею, у меня уши вянут. И самое страшное здесь то, что существует запрос на эту псевдо-дворянскую картинку. Они очень отзывчивы, эти режиссёры. Запрос есть. Новый имущий класс заказывает подобную атрибутику.

Являются воспоминания о недовоеванной не Гражданской, а Первой мировой войне: как жалко, что мы не довоевали вместе с Антантой, как бы мы сейчас цвели и пахли! Это ложные воспоминания. Победа белых националистов, как отмечают многие исследователи, в два счёта довела бы Россию до фашизма. И нынешний нацбилдинг — есть такое слово, и оно в большом ходу — с большой вероятностью уведёт нас именно туда. Поэтому наивная сословизация, которую мы сейчас наблюдаем, опасна в своих долгосрочных последствиях. Социального пороха вокруг сейчас насыпано предостаточно. Бунт близок, на дворе семнадцатый год. Извините за эмоции.

Р. М. Качалов

Простите, у меня ещё вопрос к Феликсу Вельевичу. Очень маленький. Вы сказали, говоря о крестьянстве, что (не помню точно вашего выражения) крестьянство в те времена — никем не опекаемое. А кем оно должно было опекаться, как вы считаете? И кто это должен был бы быть, по вашему мнению?

Ф. В. Разумовский

То, о чём Вы говорите, было серьёзной проблемой. При Александре III была попытка её решить созданием института земских начальников — абсолютно провальная. Вообще-то, народной массой занимается национальная элита, естественно. А какая ещё у неё функция, кроме как выстраивать стратегию развития? Вот стратегии развития этой основной массы населения не было. Столыпин попытался сделать, но это было уже в пожарном порядке, и это отдельный разговор. Это только добавило, как известно, раскол в деревне.

Реформы 60-х годов, так называемые «великие реформы», примерно исходили из того, что и в лихие 90-е, — то есть некое законодательное пространство и система денежных отношений приведут к устройению жизни русского крестьянства. Этого не получилось, естественно. Вот и всё.

Я понимаю, есть точка зрения, что народом, громадным социальным слоем, вообще не нужно заниматься, он как-то сам обустроится. Но дело в том, что крестьянство в русском мире долгое время, столетиями, существовало вместе с другими социальными слоями, и у каждого была своя функция. Для крестьянства очень важен нормальный институт прихода, вообще сельского священства и т.д. Вот это в значительной степени пребывало в кризисе. У Чехова есть знаменитый рассказ, когда священника угощают у помещика какими-то крендельками, и он незаметно для своей попадьи один кренделёк прячет в карман, потому что он и его попадья просто голодные. Вот в таком состоянии в значительной степени находилось русское священство в конце XIX века. Крестьянством не занималось уже — это тоже проблема. Естественно, были примеры замечательных сельских пастырей, но в целом крестьянством священство не занималось. Недаром у Бунина в повести «Деревня» нет мало-мальски значительного персонажа священника. В деревне другие персонажи играют игру, но уже не священник. Так я бы ответил на этот вопрос.

А. Н. Привалов

Прошу вас.

Ю. Д. Нечипоренко, *писатель, художник, культуролог, учёный*

Я — к Андрею Николаевичу. Вы свою схему связали с Францией, а вот в XIX веке был известный доклад Фихте «Речи к немецкой нации», потом был Мицкевич, Костомаров, которому в этом году тоже 200 лет. Всё это примеры нацистроительства, они все строили страну. Это были плохие примеры? Я так понимаю ваш тезис?

Ю. Д. Нечипоренко

А. Н. Балдин

Когда мы говорим о такого масштаба явлениях, нельзя судить однозначно, хорошо это или плохо. Это было бы совсем наивно. Я анализировал некую конкретную закономерность на уровне простой схемы: как развивался русский язык — в общем, последовательно и логично — и как он в определённый момент перерос те рамки, что определили для него екатерининские реформаторы. Хорошо это было или плохо?

Для самого языка, для текста это был вызов в итоге продуктивный. Другое дело, что это не было воспринято должным образом тогдашней политической системой России. Явилось новое общество, возник новый формат сознания, но власть этого не различила или не захотела различить. Это вылилось сначала в кризис, затем привело к краху всей государственной системы. Этим обернулся русский национализм, насаждаемый сверху, в процессе вынужденного «европодражания».

Что касается собственно Европы, то здесь была картина другая. Для Европы как суммы национальных государств это был бы процесс логичный. Хотя понятно, что объединение Германии аукнулось в XX веке фашизмом. Но это был уже другой цикл, иные метаморфозы и мутации, определяемые принципиально новыми историческими обстоятельствами. Вопрос в том, как мы реагируем на эти обстоятельства.

В конце XVIII века в России появилось новое понятие нации, национального формата сознания. В тот момент это помогло модернизировать Россию как систему. Спустя пятьдесят лет, после поражения в Крыму, то же действие — калькирование стандартного европейского образца — было уже анахронизмом. Продуктивное действие стало контрпродуктивным и очень скоро привело к национализму времён Александра III.

Ю. Д. Нечипоренко

Андрей, но Костомаров — это не русский, украинский националист. Это другая история немножко.

А. Н. Балдин

А, прости, пожалуйста. Я подумал о нашем, московском Костомарове. Ну, украинский национализм — это, в самом деле, отдельная поэма. Кстати, мы сейчас её читаем. И, по-моему, кто-то держится за голову от некоторых её рифм. Опять-таки здесь нельзя судить однозначно, оценки по разные стороны границы очень контрастны. На мой, пристрастный взгляд именно сейчас национализация Украины выглядит как её опасное сужение. Удвоенная, восточно-западная, Украина-билингва как равновесная система обладает большим ресурсом развития. Но равновесие потеряно. Для меня, пространственника, это плохо — потеря многих смыслов и векторная противомосковская агрессия, которую мы наблюдаем. О том ли грезил украинский историк Костомаров? Это большой вопрос. В любом случае сегодняшний национализм — это неизбежная потеря проектного масштаба, сужение горизонта развития и почти всегда война или реальная опасность войны. Вспомним Югославию, и не только её.

А. Н. Привалов

Спасибо. Леонид Иосифович — прошу вас.

Л. И. Блехер, социолог, публицист

У меня вопрос к Феликсу Вельевичу, вопрос на уточнение. Вот ваш тезис про два отречения. Правильно ли я вас понял, что к моменту социальных потрясений начала XX века историческую, реальную Россию фактически сдали все? Сдали те, кто отреклись. Одна часть отреклась от европеизированной части, культурной части России, другая часть сдала этот крестьянский мир. Люди в своих представлениях просто разошлись в разные стороны. Я правильно вас понял или это не так?

В. Ф. Разумовский

Вы абсолютно верно меня поняли, именно об этом и шла речь. И эта картина завершилась отречением государя. «Кругом измена, глупость и обман» — эти слова точные. Это событие увенчало уже такой общий процесс. Ну, когда мы говорим о явлениях такого масштаба, это не значит, что вообще все жившие в то время в России

Л. И. Блехер

люди сделали такой выбор. Это некорректно. Чехова уже не было в живых, но тот же Бунин всеми силами, как известно, противился такому развитию событий. Но в целом то, что произошло во второй половине семнадцатого года, вообще не могло бы произойти ни под каким видом, если бы не эти отречения, которые составляли общий национальный выбор на тот момент.

А. Н. Привалов

Жутковато. Вопросы закончились, я правильно понимаю? Я бы тоже хотел спросить, даже не знаю, которого из докладчиков, наверное, обоих.

Вы так или иначе опирались на привычный нам всем тезис о расщеплении сознания живших в России людей на малопримиримые подмножества. Но я бы хотел поставить мысленный эксперимент. Многие из нас читали такого французского классика, Ги де Мопассана, у него есть цикл рассказов о франко-прусской войне, где показано и французское крестьянство, как оно себя вело во время той войны. И насколько я помню (я этого не читал 50 лет), из этих рассказов вырисовываются совершенно звероподобные существа невыносимой жестокости и беззбучности, невыносимой — что твои

пугачёвцы! И жили эти существа в нескольких десятках лье от «милого друга» парижского и всей прочей в других рассказах Мопассана описанной городской публики.

Пожалуй, у этих крестьян, которые обращались с противником, как Василиса Кожина, как пугачёвские ребята, с рафинированными декадентами, которые уже «Цветы зла» писали [Шарль Бодлер], находясь в гашишном угаре,— тоже какая-то не очень единая сфера сознания. И почему-то это не привело, как вот вы сказали, к тому, что ситуация в этих сёлах стала разлагаться. Как же так повезло-то нам, что вот у них не стала разлагаться, а у нас — стала?

На мой-то взгляд, любая страна, крестьянство любой страны с интервалом в несколько десятилетий — ну кто как развивался — встали перед одной и той же страшной проблемой своей ненужности. Незадолго до кончины своей Лев Николаевич Толстой, говорят, был потрясён до глубины души рассказами какого-то американского фермера, который до него дорвался в Ясной Поляне. Фермер ему рассказал, что на земле не должны работать все, что на земле — это при тогдашней ещё агротехнике! — должен работать один из десяти. Это было потрясением для любой патриархальной деревни в любой стране. И патриархальная деревня, особенно глухая деревня, везде была сильно отлична от столичных элит по слоям мышления.

Как получилось, что именно в России это так сказалось? С одной стороны, возможно, это объясняется просто нехваткой времени. Чуть дольше бы урбанизация шла, чуть медленнее бы урбанизация шла, деревня бы как-то начала приспособливаться. Не знаю, но мне кажется, что этого объяснения маловато как-то. Что-то ещё, может быть, было? Кто-то из докладчиков мог бы прояснить это недоумение?

Ф. В. Разумовский

Я начну. Мне кажется, это очень существенное разъяснение. Дело в том, что мы находимся в плену каких-то слов, описаний типа «там ужасно», «тут ужасно». Но состояние, допустим, французского или германского мира во второй половине XIX века, даже во время Первой мировой войны, — ни у одного француза, будь он из мужиков, из кого угодно, не возникало колебаний на тему, что он защищает Францию и защищает Париж. Умирая в окопах под Верденом, никто там не воспринял бы ленинскую идею, я не знаю, «превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Были факты дезертирства, но, как мы знаем, после самых ужасных сражений под Верденом с ними справились, расстреляв, я не знаю, 200 человек. Я говорю навскидку, но порядок примерно такой. Взять Германию, Францию и уж тем более Англию, вообще любую европейскую страну, — мы имеем пример единой нации с единой культурой. Да, там есть высшие проявления этой культуры, высшие носители, носители другого уровня, это всё понятно: культура иерархична.

Но только в России мы имеем ситуацию расколотого народа, расколотой культуры и расколотой нации. Это, конечно, и определило трагедию. Такого раскола нигде

больше не было. Русский-европеец и русский-мужик разговаривают просто на разных языках. Французский крестьянин и, я не знаю, французский дворянин разговаривают на одном языке,— я сейчас говорю о языке культуры,— они принадлежат одному народу и одной нации. Кстати, Великая французская революция только усилила эту консолидацию, в то время как наша так называемая революция просто окончательно развалила русский мир. Здесь исторические процессы и явления принципиально разнонаправленные, вот и всё.

А. Н. Привалов

Единственное опять же маленькое замечание на полях: рассказали бы вы в году в 1790 или 1791-м году парижским санкюлотам, что они с аристократами одна нация, они бы вам показали. Прошу, Андрей Николаевич, вопрос был задан обоим докладчикам.

А. Н. Балдин

Ну, я, находясь в затмении своей прекрасной схемы, могу ответить сразу.

А. Н. Привалов

Когда у человека хорошая схема, он может ответить на любой вопрос.

А. Н. Балдин

Вот и отлично, я сейчас этим воспользуюсь. Дело в том, что действительно, как сказал Феликс Вельевич, речь идёт о стране. Но Россия изначально не страна, это другая, большая по знаку сложности система, сумма стран, мир, Рим — как угодно. Нельзя подходить одинаково к стране и к подобной сложной сумме. Недавно я смотрел по телевизору какие-то очередные околонуукраинские дебаты, и там гость из Польши, своеобразный парень с такой же радикальной причёской, задал вопрос: «Господи, когда же вы, наконец, станете нормальной Польшей?».

А. Н. Привалов

И его даже не побили?

А. Н. Балдин

Нет. А там все такие, в телевизоре. Мы никогда не станем Польшей, ни нормальной, ни ненормальной. Формат проекта разный. Причём я сейчас говорю без плюсов и минусов. Мы никогда не станем нормальной Францией, несмотря на понятный стилистический соблазн. Россия — множество, рой вер и языков. Это — мир, вспомним ещё раз Льва Толстого. Непонимание или забвение этого факта, этой «римской» нормы привело в начале XX века к системной катастрофе, внутреннему взрыву России, распаду, гражданской войне. И затем — к долгому и мучительному восстановлению её в формате мира, Красного Рима. Иначе, в другой комбинации,

не склеиваются здешние человеко-молекулы. При этом неважно, идёт речь о крестьянине или горожанине, аристократе или простолюдине.

Мне всё время на память приходит один и тот же пример, естественно, о Льве Толстом. Есть одна фамильная история об артисте Михаиле Державине. Первая его жена была дочерью маршала Будённого. И артист Державин всегда спорил со своим героическим тестем, естественно, потому что люди они очень разные. Стараясь как-то уколоть Семёна Михайловича, Державин спросил его: «А Вы-то, вообще, "Войну и мир" читали?». На что тот, не раздумывая, ответил: «При жизни автора — дважды». Хорошо сказал.

Льва Николаевича читали все, и эти все были люди с увеличенной головой. Те, которые ментально помещены в России-как-мире. Этого увеличенного, но на самом деле нормального формата в начале XX века не нашлось. И большая Россия не поместилась в меньшей, порвала сама себя на части. Это — в продолжение исходной схемы.

А. Н. Привалов

Всё замечательно. Когда у человека есть схема, ею надо пользоваться. Кто хотел бы высказаться?

А. А. Черников, архитектор, руководитель «Архитектурной студии Андрея Чернихова»

А можно вопрос, Александр Николаевич? Просто не успел «вклинить». Вот если про запал схемы — у меня вопрос общий. «Революция семнадцатого года: культурный контекст». Мы слушали сейчас очень много интересного, но такое ощущение, что схема коллеги-архитектора несколько самодовлеющая. Мы не говорим о культуре, о проблемах культуры, которые, если так можно сказать, вызрели. Вся ситуация конца XIX–XX вв., начиная от музыки и кончая живописью, архитектурой, поэзией — это тоже культурный контекст той самой революции. Мы не говорим ни слова о русском авангарде, о его корнях, о его очень короткой жизни, яркой и фантастической, на импульсе которой продолжает ещё жить очень много чего в мировом искусстве, в мировой культуре. Поэтому я бы предложил, столь подробно окунувшись в схему Андрея Балдина, всё-таки раздвинуть горизонты обсуждения и попробовать посмотреть с разных сторон на эту ситуацию. Отсюда у меня короткий вопрос как архитектора архитектору: а что дальше-то? Вот помимо той любимой схемы, если вправо, влево, вперёд, назад и вверх?

А. Н. Балдин

Дальше — все стороны. Правило Рима — неважно, красного или разноцветного.

Я предупредил о схеме. Но, кстати, вопрос о русском авангарде ей не противоречит. Авангард был именно взрывообразен, он на уровне манифеста был устремлён из меньшего мира в больший. Мы можем поговорить об авангарде. Я ни в коем разе не отрицаю его достижений. О нём сегодня просто не заходила речь. Но мы

А. А. Черников

не просто говорим о культурных реалиях той революции. Мы сравниваем тот семнадцатый год и этот. Это сопоставление актуально. И для меня вопрос состоит скорее в другом: где авангард сегодня? Как мы представляем себе будущее? Беда в том, то у нас сейчас нет даже замысла следующего большего мира. Что такое следующая Россия? Нынешнее её состояние, на мой взгляд, промежуточно, эклектично. Внятного проекта будущего нет. Стало быть, этот год отличается от того: этот — без-авангарден. Возможен и такой поворот темы.

А. А. Черников

Но это не другая тема, это та же тема, это абсолютно та же тема.

Ф. В. Разумовский

А можно я добавлю? Я тоже могу вспомнить о своём архитектурном происхождении [выпускника МАРХИ]. Дело здесь не в этом. Авангард — это не значит, что его надо отвергать, сбрасывать с корабля современности. Но суть-то его в том, что авангард собирался сбросить русскую жизнь и русскую культуру с корабля

современности⁴, — это его манифест. Это явление, укладываемое в идею отречения от России, которую мы наблюдаем в начале XX века. Это художественно оформленная талантливыми людьми в оранжевых блузах, в других блузах, идея отречения. «Отречёмся от всего красивенького», — говорил Маяковский в Политехническом музее на своих «камланиях».

Русский авангард — это отречение. Это попытка создать тот самый «новый мир». Чеховская невеста тоже ведь поехала за обещанием создать новый мир. Правда, в авангарде люди более талантливые, чем этот Саша с его мухами. Тем не менее из этого мира, надо признать, путного ничего не получилось, в нём жить никто не захотел. Но явление это очень яркое. Тут не надо уподобляться и кого-то там сбрасывать. Но это замечательно включается в процесс русского саморазрушения начала XX века.

А. Н. Привалов

Феликс Вельевич, должен вступиться. Вы меня сейчас обвините, что я зря равняю несравнимое. Но всякое художественное течение, начиная с начала XIX века, непременно писало манифест, где проклинали все предыдущие. Почему-то только здесь это кончилось революцией. Почему-то вот ни в Германии, ни во Франции — этих манифестов были мириады, — вот почему-то там ничем дурным это не кончилось. Извините, ничем настолько дурным.

Так, у меня есть несколько записавшихся выступить. Прошу вас

С. А. Экштут

Александр Николаевич, я попытаюсь ответить на ваш вопрос. Потому что те ответы, которые прозвучали, меня лично не вполне удовлетворили.

Так вот, если взять пугачёвское восстание, то именно с пугачёвского восстания и началась русская дворянская культура. А почему? Потому что дворяне опасались весьма вероятного бунта своих крепостных, они пытались добраться до ближайшего губернского города, потому что в этом губернском городе был, по крайней мере, один гарнизонный батальон — хоть какая-то сила, которая гарантировала их безопасность. И вот здесь — в этих экстремальных условиях — начала функционировать

---

⁴ «Сбросить с корабля современности» — фраза из манифеста русских футуристов «Пощёчина общественному вкусу. В защиту свободного искусства» (1912), написанного поэтами Д. Бурлюком (1882–1967), А. Кручёных (1886–1968), В. Маяковским (1893–1930) и В. Хлебниковым (1885–1922). В оригинале: «Бросить с Парохода современности». В своих воспоминаниях «Наш выход» Алексей Кручёных писал, что фраза была им написана в соавторстве с В. Маяковским: «Москва, декабрь 1912 г. Собрались, кажется, у Бурлюка на квартире, писали долго, спорили из-за каждой фразы, слова, буквы. Помню, я предложил: «Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина». Маяковский добавил: «С Парохода современности». Кто-то — «сбросить с Парохода». Маяковский: «Сбросить — это как будто они там были, нет, надо бросить с Парохода...». Серебряный век. В поэзии, документах, воспоминаниях. М., 2001.
http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2432/%D0%A1%D0%B1%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D1%8C

дворянская культура, возникали какие-то межличностные связи, которые потом сохранились, когда восстание было подавлено, а помещики разъехались по своим имениям.

И ведь Жалованная грамота дворянству («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства») была дарована Екатериной в 1785 году, уже после пугачёвского восстания. Появились дворянские собрания, а в этих дворянских собраниях человека ценили по его чину, нравилось это кому-то или не нравилось. И дворяне получали образование, для того чтобы поступить на службу с теми или иными служебными преимуществами. Есть у тебя знания или нет у тебя знаний, никого не интересовало. Требовался диплом об окончании курса.

Сами по себе знания не могли быть востребованы практикой, русский бизнес в них не нуждался. Тот же самый Чехов — вспомните повесть «Три года» — описывает, как выпускник Московского университета предприниматель Лаптев говорит брату: «Ну ты же ведь университетского человека к себе в амбар не возьмёшь на службу». И слышит в ответ: «При нашем деле университетский человек без надобности». Человек свои знания мог применить только на государственной службе, а там надо было начинать с низших должностей. И дальше — вот этот введённый ещё Петром Великим Табель о рангах, он сохранялся вплоть до 1917 года, хотя уже во времена Николая I предпринималась попытка его отменить, но в итоге верховная власть так и не рискнула аннулировать то, что было создано Петром.

И пока человек не достигал высших чинов, он не мог получить сколько-нибудь ответственный участок деятельности. Отсюда огромное количество людей, образованных и псевдообразованных, амбициозных и не умеющих найти применение своим знаниям и реализовать на практике свои завышенные притязания. В то же самое время существовала параллельная реальность — «Крестьянский мир» (община, сообщество), в котором зрела идея «чёрного передела», которая вплоть до 1917 года там очень хорошо присутствовала и всеми диагностировалась. Идею «чёрного передела» крестьянский мир собирался осуществить сам, без помощи наставников, руководителей, вожаков и т.п., он считал, что он сам с ней справится

Сама жизнь поставила своеобразный социальный эксперимент. Мало кто знает, что деревня Домнино, где жил Иван Сусанин, была освобождена от крепостной зависимости, от власти полиции, там не было никаких земских начальников, и все крестьяне были наделены собственной землёй в очень большом количестве и освобождены от всех государственных податей и повинностей. Закончился этот социальный эксперимент весьма печально: домнинские крестьяне, их называли белопашцами (там было где-то порядка полутора сотни дворов), стали землю сдавать в аренду, пьянствовать. И самое интересное — ещё отпали от православия, потому что ударились в какой-то раскол, что в те поры почиталось уголовным преступлением. Когда об этом доложили царю-батюшке, а полиция не смела показываться в этом селе Домнино, он повелел, чтобы полиция занялась этими сектантами, чтобы белопашцы

подпали под действие русских законов. Эта идея «чёрного передела» была очень живучей и, к сожалению, сыграла свою негативную роль в 1917 году.

Дальше — русское поместное дворянство не занималось землёй, за редчайшим исключением. Был такой литератор и мемуарист Михаил Дмитриев, племянник министра юстиции и поэта Ивана Дмитриева. Вот этот крупный чиновник Михаил Дмитриев в конце жизни, когда его выгнали со службы без пенсии уже в чине действительного статского советника, переехал из Москвы в свою родовую деревню, где вынужден был заняться хозяйством и сказал: «Боже, почему я занимался государственной службой, почему я с самого начала не стал помещиком,— моё существование было бы счастливейшим». И если бы русские дворяне сидели на земле и занимались хозяйством, у нас была бы другая страна. Но русское дворянство не хотело сидеть на земле. Князь Феликс Юсупов, убийца Распутина, за несколько лет до этого говорил своей матери: «А зачем мне идти на государственную службу? У нас богатейшее имение. Крепостное право отменили, но у нас, по сути, небольшое европейское герцогство. Почему бы мне не заняться хозяйством, почему бы мне не привести в порядок наше имение?». Мать смотрела на него как на сумасшедшего.

Вплоть до 1917 года в образованном обществе так и не укоренилась идея осесть на земле и заняться хозяйством, причём на серьёзной основе. А те немногие энтузиасты, которые пытались это сделать, Чеховым прекрасно описаны в «Моей жизни»: сразу возникали ненормальные отношения с крестьянами. Мало кто знает, что Владимир Ильич Ленин в течение очень короткого промежутка времени пытался заниматься хозяйством. Выписали даже каких-то породистых коров из Голландии. Закончилось всё очень печально, потому что окрестные пейзажи коров украли и, похоже, просто съели. Во всяком случае, коров найти не удалось, даже через суд. И Ленин потом написал, что «быть помещиком — не моё, сразу возникают ненормальные отношения с мужиками», он с крестьянами даже судился.

Ну, и ещё одна дата в истории России, которая, к сожалению, привела, с моей точки зрения, к 1917 году. В 1887 году появился «Циркуляр о кухаркиных детях» — когда дети из непривилегированных сословий не могли поступить в гимназию. Поскольку они не могли поступить в гимназию и получить аттестат зрелости, они не могли в будущем поступить в университет. Без университета все пути им были закрыты. И вот через 30 лет эти ребята стали горячей смесью, которая в известной степени вызвала революцию. В частности, эта случайность сыграла роковую роль в России вот ещё каким образом.

Ведь каким образом Ленин пошёл в революцию, Владимир Ильич? Он принял участие в бунте казанских студентов. А из-за чего стали бунтовать казанские студенты? Вот из-за этого самого «Циркуляра о кухаркиных детях». После того как бунт был подавлен, и Ленин был из университета исключён, товарищи его спросили, что он будет делать. Ну, они рассуждали, что будут делать, после того как получат право на восстановление в университете. Он сказал: «А мне уже дорожка проторена старшим братом, у меня другого пути, кроме как в революцию, нет».

И в заключение одна небольшая цитата. Был такой представитель дома Романовых — Великий князь Александр Михайлович, создатель русской военной авиации. В начале тридцатых годов он выпустил книжку воспоминаний, и рассуждая о том, можно ли было избежать революции, очень винил интеллигенцию. Там прозвучали такие слова:

«Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы "красная опасность" исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин или Плеханов, старыми психопатками, как Брешко-Брешковская или же Фигнер, или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых... Или ж, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных знати, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую Книгу русского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

...Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об учёном или же писателе, артисте или же музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений...»⁵.

На этой оптимистической ноте я позволю себе закончить.

А. Н. Привалов

Господин Погарский — прошу вас.

М. В. Погарский

Моё выступление будет посвящено некоторому спору, который прозвучал в начале выступления Андрея Николаевича [Балдина], который сказал, что русская литература тут ни при чём, что тезис о том, что не тех книжек начитались — это неверный тезис, не из-за этого произошла революция.

Конечно, впрямую нельзя говорить, что из-за русской литературы произошла революция. Но тем не менее влияние литературы и искусства вообще на жизнь государства, на жизнь страны, на жизнь народа — огромно. И я здесь полностью, наверное, согласен с таким ироничным замечанием Набокова, что у нас напишет кто-нибудь

---

⁵ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — Глава XII. Оловянные боги. — Ред. <http://militera.lib.ru/memo/index.html>

из поповичей, что надо спать на гвоздях — и пол-России будет спать на гвоздях. И библейское «В начале было Слово» как метафора, безусловно, работает. Те же «лишние люди» сначала появились в сочинениях Пушкина и Лермонтова, а потом уже и в реальной жизни. И литература во многом предшествовала формированию человека, формированию человеческих характеров, формированию человеческих личностей и в целом формированию, скажем так, духа нации.

Но тут надо заметить, что это касается не только русской литературы, а любой сюжетной литературы. А литература вплоть до XX века была вся построена на сюжете. Любой сюжет в той или иной степени обязательно завязывался на коллизиях, на разрешении каких-либо проблем. Это могли быть проблемы семьи, проблемы любви, проблемы войны, проблемы какие угодно, но проблемы должны быть обязательно — без проблемы нет сюжета. И эти проблемы так или иначе всегда переносились потом в реальную жизнь. Так же и сейчас. Если мы посмотрим, чем забиты, так сказать, телевизионные каналы, то любой фильм всегда крутится вокруг каких-то проблем, причём, как правило, жестоких проблем. На героев фильмов, которые раньше присутствовали в книгах, начинает равняться подрастающее поколение. Это могут быть и герои-киллеры, и герои-антикиллеры, и т.д.

В XIX веке это были герои-революционеры, герои-бунтовщики, нигилисты и т.д.

Мне кажется, что роль литературы на тот момент была просто громадна, просто невыносимо громадна, она формировала умы, формировала мировоззрение, и на этом мировоззрении вырастали новые люди. Кто-то, ну, скажем, лучшая часть, находя в себе силы, уходила в пространство мысли. И только в XX веке коллизии переносятся в пространство романа, как у Германа Гессе в «Игре в бисер», — когда не нужны коллизии жизни, а нужны коллизии духа. До этого, в общем-то, таких примеров я не вижу. И опять же только в XX веке появляется абстрактное искусство и в литературе — как заумный язык у тех же футуристов, когда они начинают работать, собственно, с основами самого языка, а не с коллизиями жизни.

Мне видится, что сегодняшняя задача художников, литераторов состоит в построении новой литературы, нового искусства, которое было бы в большей степени устремлено в сторону коллизий духа, и тем самым заинтересовать, формировать будущие поколения, которые бы стремились не к проявлению агрессии в мире, а к борьбе внутри сознания, строительству некоего нового сознания.

А. Н. Привалов

Спасибо. Должен заступиться за «лишних людей». Всё-таки не Пушкин с Лермонтовым их придумали. К тому времени как стали выходить первые главы «Онегина», уже был весьма знаменит Пётр Чаадаев, уже вполне печатался Евгений Баратынский, то есть и плохие и хорошие лишние люди уже были. Ну, ладно, это не так важно.

Профессор Тамбовцев — прошу вас.

В. Л. Тамбовцев

Спасибо. Прежде всего, конечно, огромное спасибо нашим докладчикам, доклады которых породили у меня, по крайней мере, какие-то такие крамольные мысли. А это всегда приятно, когда мысль идёт необычным путём. В чём заключается крамольность? Нет-нет, без драк, спокойно.

А. Н. Привалов

Обычно по этому поводу вспоминают известную фразу из «Театрального романа»: «Мы против властей не бунтуем».

В. Л. Тамбовцев

Да-да, именно. Так что же это за такие забавные крамольные мысли? Дело в том, что из совместных докладов и из нашего маленького диалога (ответы на вопросы) у меня, в общем, сформировалась какая-то довольно неприглядная картина того, что авторы называют «культурой русского мира». Почему же она неприглядна, эта картина? Дело в том, что функция любой культуры — что у животных, что у людей — всегда заключается в адаптации к изменениям. Мир меняется вокруг по не зависящим от нас причинам. Культура помогает нам адаптироваться. Если она не помогает адаптироваться, то вывод очевиден: это «плохая» культура, и тогда зачем она такая людям нужна, людям нужно что-то другое, чтобы адаптироваться к миру, а также менять мир.

Ну, вот была замечательная языческая Русь, а потом пришли другие язычники — татаро-монголы. Что произошло с языком? Язык адаптировался мгновенно. В лексике современного русского языка тюркизмов очень много. А почему же культура такая странная, что она не захотела или не смогла адаптироваться к изменяющемуся миру? Ведь какую картинку нам нарисовали докладчики? Был целостный, духовный и вообще весь такой замечательный русский мир. Но потом группа товарищей (ну, не товарищи они нам, понятно), которые по долгу службы были вынуждены общаться с окружающим их иным миром, что восточным, что западным, вдруг начали перенимать какие-то такие странные инновации из этого внешнего мира. И это длилось долго, начиная с IX века, когда возникло Российское государство, Новгород и всё прочее, и вплоть до конца XIX века. Получается, что эта часть адаптировалась, а другая часть сохраняла в себе целостное, исконное, непоколебимое и т.д., вследствие чего и возник тот самый разрыв. Вот какую картинку, с моей точки зрения, нарисовали авторы.

Что же получается, если это перевести в термины культуры как механизма адаптации? Получается, что адаптировался-то узкий, тонкий, размазанный, неорганизованный слой, а костяк — он ни к чему не хотел адаптироваться, он всё отторгал. Так какова цена такой культуре, если она не помогает людям жить, если она мешает им жить? По-моему, невелика.

И отсюда вытекает очень простое объяснение событий 1917 года: это же классическая проблема коллективного действия. Как Владимир Ильич Ленин создавал свою

партию? Он создавал её как организацию. Он создавал не расплывчатую массу «в чём-то единомышленников», которая время от времени голосовала, он создавал организацию. Но организация — это и есть решение проблемы коллективного действия. И вот эта маленькая, но боевитая организация, естественно, разбросав ряд, так сказать, заимствованных откуда-то мыслей (типа землю крестьянам и т.д.), смогла организовать тех, кто в ней, собственно, не состоял. И поэтому разрозненные группы интеллектуалов, которые пытались адаптироваться эволюционно, понятно, оказались побеждёнными: организация обычно побеждает неорганизованную толпу. Это всё совершенно естественно.

Что меня в этих мыслях утвердило — это выступление Семёна Аркадьевича, который, по-моему, очень чётко показал, что даже в этой адаптировавшейся части русского общества существовали правила, которые мешали жить самим тем людям, которые эту часть составляли. Ведь все эти табели о рангах и прочее — это же не неформальные институты, составляющие культуру, это формальные институты, и они мешали жить. И адаптирующаяся часть пыталась эти институты менять. А монарх этого не хотел, не надо это ему было — это ему мешало жить. Сформировался нормальный конфликт. Из-за этого конфликта всё и получилось. Поэтому крамольность своей мысли — о том, что русская массовая, то есть крестьянская, культура оказалась неадаптивной — я же и проотрицаю: дело не в культуре, культура тут ни причём. А причём, с моей точки зрения, иерархическая организация монархической конструкции, которая, с одной стороны, обеспечила, как писал классик, наверху власть тьмы... Нет, наоборот, простите...

С. А. Экштут

«В России две напасти: / Внизу — власть тьмы, / А наверху — тьма власти».
[В. Гиляровский]

В. Л. Тамбовцев

Спасибо. Так вот эта власть тьмы была просто элементарно выгодна тем, кто имел тьму власти. Вот в этом ситуация действительно очень похожа на современную, на формирующуюся, точнее, успешно формируемую: я немножко общаюсь с коллегами, которые занимаются преподаванием. Так что всё нормально, «верной дорогой идёте, товарищи». Вот на этой оптимистической ноте позвольте закончить.

Ф. В. Разумовский

Можно небольшую реплику? Я просто должен сказать, что культура к адаптации совершенно никакого отношения, простите, не имеет. Культура — это система ценностей. Иначе мы начнём размывать системообразующие понятия. Это система ценностей. Иногда система задаёт очень высокую планку, и вот тогда большинство жителей, большинство народа ей в какой-то момент не соответствует. Но это не то, что,

я не знаю, какой-то предмет, прибор, инструмент, который помогает устроиваться в окружающей жизни. Культура — это вещь совершенно другого рода.

А. Н. Балдин

Тогда тоже можно реплику сразу же? Я должен сразу же возразить вам [Тамбовцеву]. Ни в каком страшном сне, разве что в затмении схемы, как я уже сказал, я мог бы сказать, что когда-то у нас всё было прекрасно, был целый мир, а потом появились какие-то негодяи-националисты. Тем более я не пропагандирую деревенский мир, как вы перед этим сказали. Я сказал, что не заглядываю в то, что предшествовало Карамзину и его друзьям-реформаторам, просто из экономии времени. И назвал пункты, которые представляются ключевыми на этом конкретно этапе нашей истории — от Карамзина до 1917-го. Потому что на этом этапе достаточно характерно выразила себя пара «текст и бунт». Современный текст и современный бунт. Ни в коем случае никакой благостной, целостной, «деревенской» картины здесь не было никогда.

С. А. Экштут

Реплику можно маленькую? Феликс Вельевич, любая культура, по определению, предполагает и иерархию, и коммуникативную функцию, и воспитательную функцию. Если культура не несёт коммуникативной и воспитательной функций — это не культура, извините.

Ф. В. Разумовский

Честно, не понял просто.

А. Н. Привалов

Спасибо. Михаил Иванович — прошу вас.

М. И. Москвин-Тарханов

Извините, пожалуйста, дорогие коллеги, я слушал выступающих, и у меня в голове сумбур возник, немислимый просто. Как юрист я всегда, в общем-то, реагирую быстро, а тут меня как-то перекособочило.

Однако в связи с этим мне неожиданно пришла в голову странная вещь: я вспомнил вдруг, как я мальчиком ходил в Дом-музей Станиславского. Он тогда был не совсем музеем, одновременно это был дом Киры Константиновны, дочери Станиславского. К ней туда приезжал брат Игорь Константинович из Парижа, там собиралось культурное общество и нас там, хороших мальчиков и девочек, учили танцевать бальные танцы в историческом зале. Потом нас поили чаем и рассказывали всякие замечательные, иногда казавшиеся невероятными, истории.

Конечно же, спрашивали и про Февральскую революцию — как оно было в Москве, как её приняла интеллигенция? И Кира Константиновна сказала: «Вы знаете, Миша, это такой был луч света — так это было прекрасно. Мы, молодёжь, тогда собрались

в “Летучей мыши” в доме Ниленд в Большом Гнездиновском. Вдруг входит известный поэт Константин Бальмонт (тогда в Москве его фамилию произносили в обществе по-разному — то Бальмонт, то Бальмонт), и говорит во всеуслышание с эпатжем: “У нас теперь свобода, предрассудки долой: представляю всем — мои две жены”. Студенты сказали, очень хорошо, две жены, это вполне нормально, свобода же. “А каких вы, уважаемый Константин Дмитриевич, политических убеждений? Может быть, вы, так сказать, за конституционных демократов, партию народной свободы, или же вы социал-демократ или даже социалист-революционер?” Он же говорит: “Я далёк от политики, я презираю её”. “Мерзавец”, — вскричала девушка-курсистка и ударила его по лицу при полной поддержке собравшихся».

Вот вам, господа, иллюстрация того, как так называемая системообразующая или там, не знаю, иерархическая интеллигенция, причём высокого уровня интеллигенция, тогда реагировала. Я спросил тогда же: «А что ещё-то было, что особенно запомнилось?» — «Патриоты вдруг исчезли. Было много национал-патриотов, они ходили с портретами царя в поддержку властей, во всех бедах немцы и евреи у них были виноваты, иногда поляки или армяне у них были виноваты, кто-то ещё был виноват, они страстными монархистами были, к жандармам с доносами ходили, в бульварную прессу гадости про интеллигенцию писали. Как случилась революция в феврале, то они вдруг полностью исчезли, их не стало в один день, как корова языком слизала. Никто их больше никогда не видел». Это было слушать очень интересно. Мы видим, что интеллигенция вся была революционным духом пропитана.

А дальше пошло по Николаю Робертовичу Эрдману. У Эрдмана в пьесе «Самоубийца» одним из героев как было сказано? «Интеллигенция — это курица, которая высидела утиные яйца». Утята вылупились и сказали: «Мама, давай поплывём». Она говорит: «Я же курица, я плавать не умею». — «Мамочка, давай тогда полетим». — «Дети, ну я же курица, я не умею летать». — «Ну, тогда сиди, мама». И посадили...

Вот, понимаете, что из этой самой истории: действительно всей, так сказать, нашей глубинной дуростью интеллигентные растлили революцию, которая вскоре, меньше чем через год, треснула её (интеллигенцию) граблями по голове. А тогда, в феврале, все были в экстазе: дед мой Михаил Михайлович, он служил тогда ведущим актёром в Харькове в антрепризе Николая Синельникова, вбежал и вскричал: «В Петербурге революция, какое счастье!». Все актёры присоединились: «О, какое счастье!». Послали за водкой. Вышли на улицу, там разве что только городской плачет, не знает, куда ему теперь, где он будет служить. А уже приказчики из магазинов водку наливают, со студентами её пьют. Это была всеобщая радость, ликование и счастье.

Всё же странное это явление — колоссальный инфантилизм у «властителей дум». Не зря Александр Блок назвал их: «ребяческая наша интеллигенция».

По этому поводу есть у меня одна такая простая мысль. Есть многое, что наша интеллигенция умеет делать очень хорошо. Умеет хорошо лечить — здорово лечит, умеет учить — хорошо учит, умеет исследовать — исследует, да так, что иной немец позавидует. Конструировать умеет, творить умеет, писать умеет. А вот политикой российской

М. И. Москвин-Тарханов

интеллекции не надо заниматься, ну не надо ей заниматься политикой! Если интеллигенция больше не будет ею заниматься, может, страна уцелеет. А то ведь интеллигенты ещё ведь именуются «критически мыслящими личностями». Собственно, так называлась интеллигенция до Боборыкина: критически мыслящие личности. У нас такая личность как выйдет просто на улицу сегодня, это ей здесь не нравится, там ей то не нравится, тут не нравится, там не нравится,— всё не нравится.

Образование, говорят, у нас плохое. Если образование плохое — иди да и образовывай, это же именно твоё дело, дорогая интеллигентная критическая личность! У тебя-то самого образование хорошее, оно же у тебя-то есть — значит, давай тогда попробуй кого-нибудь ещё образовать, может, выйдет что-то полезное. Нет, лучше всё знать и обо всём, кроме самих себя, дорогих, мыслить критически как подростки. Вот это, пожалуй, наша большая беда — странное социальное поведение самого образованного слоя, его колоссальный инфантилизм.

Можно, конечно, вспомнить о том, что наша страна всегда была особенная, что до середины XVIII столетия русское общество было разделено на «службу» и «тягло» — такая была социальная стратификация. При этом интеллигенция росла в промежутке,

как бы в щели между ними в трудных условиях, долго ощущала себя в своей стране некими «лишними людьми», не могла найти применения, копила критический яд и прочее.

По этому поводу иногда смакуется ещё одна замечательная тема — что у нас нет национальной идеи, отсюда и беды, потому и интеллигенция такая. Но откуда у нас вообще какая-либо национальная идея может взяться? Маленькие европейские государства, крошечные княжества, герцогства или графства склеивались национальным клеем, столетиями склеивались культурным и экономическим клеем в нации, чтобы объединиться в национальные государства. А у нас же за одно столетие Москва всех объединила рукою железной. Только что были маленькие удельные княжества при Дмитрии Донском, а вот уже Василий Иоаннович на престоле, и прежние мелкие владыки теперь слуги Великого князя, на местнической лестнице безропотно расположились уже служилыми князьями. Какая при такой форме интеграции может быть нация, откуда она у нас возьмётся?

Нация в европейском понимании — это чуждая нам идея и для нас вредная. Потому надо серьёзно подумать интеллигенции на эту тему, но при этом самой в политику не лезть, а вот хорошие советы для властей попробовать выработать.

А. Н. Привалов

Спасибо. Мы сегодня с Михаилом Ивановичем до заседания вспоминали обожаемую мною пьесу Островского «Горячее сердце». Там один персонаж, Градобоев, говорит своему собеседнику: «Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие!». Вот, на самом деле, правда. И то, что процитировал нам Семён Аркадьевич из великого князя, — что все были заражены, и то, о чём сейчас Михаил Иванович говорит, — тоже правда. Другое дело, что это не объяснение; это само по себе требует объяснений, но это, наверное, важнейший элемент того, что мы называем культурным контекстом.

М. В. Погарский

А можно короткий вопрос к Михаилу Ивановичу? Спасибо за отличное выступление. Вот вопрос: а кому тогда политикой надо заниматься?

М. И. Москвин-Тарханов

Ну, я сказал, что тягло есть, и есть служба, тягло занимается экономической деятельностью и платит налоги, а служба — политикой и управлением. А интеллигенция занимается образованием, культурой, наукой, воспитанием, просвещением. Будет хорошо это делать — тогда, может, у нас скоро будут совсем другое тягло и совсем другая служба.

А. Н. Привалов

Господин Черников — прошу вас.

А. А. Черников

Меня заинтриговала маленькая аннотация Андрея Балдина к теме своего выступления, которую мы получили вместе с приглашением на это заседание, где он писал о той пространственной коробочке, в которую Россия не вмещалась. Я понял, о чём пойдёт речь. Это очень интересное ощущение России.

Может быть, я неправ с точки зрения сравнительной оценки двух империй — Российской и Британской. Но если посмотреть на карту, то Россия развивалась в основном в 2D, то есть прибавляла территорию. Британия на той же карте мира — остров, омываемый водой. И посмотрите, сколько стран она дистанционно включила в зону своих экономических, политических и культурных интересов. И знаменитый Хрустальный дворец 1851 года, построенный в Лондоне, в Гайд-парке, перенесённый потом на Сайденхемский холм⁶. Мы видели это на слайдах, когда говорили об архитектуре и музыке⁷.

Это было торжество Британской империи, которую она демонстрировала не только через промышленную мощь. Это была промышленная выставка и в то же время художественная, потому что Британия воспроизвела там все виды и типы культур, которыми к тому времени владела, а заодно и Грецию, и Древний Рим, и Египет. Британия показала всему миру на Первой художественно-промышленной выставке, кто хозяин в мире.

Я позволю себе несколько реплик. Реплика на тему «что мы за страна». Мы не страна, мы империя. А империи имеют, вот как Британская и Российская, много как сходств в своём устройстве, так и различий. Римская империя просуществовала, разумно разделившись на две части и продлив таким образом своё существование ещё на тысячу лет. Российская империя не смогла найти модели выживания самой себя, кроме той, которая возникла в XX веке. Это та же попытка сохранить страну в виде империи, которую сделали большевики, которые на первой фазе, как известно, были теми самыми разрушителями, иллюстрируя чудное выражение, что русские удивительно не только срам любят, но ещё саморазрушаться любят.

В нас, очевидно, живёт какой-то мем саморазрушения. Мы даже хуже детей, которые разбирают автомобили, какие-то устройства по винтику и т.д. Понятно, что потом эту машину очень трудно собрать, но можно. А русские разрушают так, что собрать уже ничего нельзя. Мы разрушаем по «Интернационалу»: до основания, а затем...

---

⁶ Хрустальный дворец — выставочный павильон, построенный к Первой всемирной промышленной выставке, открывшейся в Лондоне в 1851 г. Затем дворец был разобран и перенесён из Гайд-парка на восточные склоны Сайденхемского холма, где простоял до 1936 г. (сгорел во время пожара).

⁷ «Архитектура. Звук. Музыка» — заседание Никитского клуба в честь 150-летия Московской консерватории. 29 сентября 2016 г. Выпуск НК № 82.

У нас раскол, у нас Гражданская война, страшная совершенно, с убиением миллионов людей, о которой мы как бы не хотим вспоминать. Мы раза два вспомнили в Никитском клубе и где-то в Интернете прочли. Но это наша с вами народная Гражданская война.

Моя юность прошла в окружении или в соседстве с людьми, которые воевали в Гражданскую войну и говорили, что ничего страшнее они в жизни не видели. А потом ещё Вторая мировая, Великая Отечественная. Я уже в который раз перечитал доклад Ивана Павлова 1918 года «О русском массовом уме»⁸, сделанный им в городе Петрограде, где он даёт жёсткую оценку тому, как устроен русский массовый ум, — импульсивный, не желающий углубляться в суть вещей, не терпящий анализа, готовый на скорые необоснованные выводы и т.д.

Так вот, послушав то, что мы сегодня говорили, я хотел бы обратить ваше внимание, что всю эту историю с русской революцией, которая, как мы говорили в прошлый раз, началась вовсе не в семнадцатом году, а куда ранее, и имела энное количество подъёмов, спадов и т.д., можно ещё рассматривать через пространственно-временной континуум.

По моему ощущению, Россия к семнадцатому году проживала одновременно как минимум в пяти временах. Я не готовился специально, но понятно, что одно время — это биовремя, в котором жила основная часть населения; это патриархальное время, крестьянское время, совпадающее со сменой времён года: посевная, сбор урожая и т.д. Это цикличность, естественная для жизни человека, живущего на земле. Пролетариат, достаточно молодой для нашей страны и для нашей империи, жил уже по другим, городским, часам, работая почти круглосуточно, по 14 часов в день, с редкими праздниками, почти без выходных и т.п. Дворянство жило в ином, в феодальном таком, сословном времени. Молодой русский капитализм жил в настоящем и, скажем так, в ближнесрочном будущем. И было время, которое можно назвать инновационным, потому что в России уже назрела и технически вызрела интеллигенция, пускай не сильно, но сравнимая по количеству с отдельными западными странами абсолютно.

Мы имели хотя и не оригинальный русский футуризм, но оригинальный русский супрематизм. И неважно, что в основе Малевича лежит картина чёрного квадрата Роберта Фладда⁹, написанная на несколько столетий старше, и известных французов, опустим эти детали. Но важно то, что супрематизм — всё-таки это достаточно русское явление. Я также не согласен с тем, что мы разрушали всё до основания реально. Русский авангард не разрушал, он разрушал форму. Ведь эта

---

⁸ Нобелевская лекция академика И. П. Павлова, прочитанная им в 1918 году в Санкт-Петербурге.

⁹ «Великая тьма», 1617 г. Роберт Фладд (1574–1637) — английский врач, философ-мистик, астролог, музыковед и теоретик музыки.

закостеневшая кристаллическая решётка под названием «русское самодержавие», «русская монархия», «империя» — она не выдерживала как раз борьбы разных времён внутри себя или снаружи, как хотите. Не выдержала вот этого проживания России в разных временах и в разных пропорциях, в сумасшедших пропорциях. Мне кажется, с этой стороны и можно рассматривать этот конфликт.

Далее, что мне кажется очень важным, — мы очень редко говорим о нашем типе культуры. Это конгломеративный тип культуры — культуры, которая складывалась столетиями в основном за счёт не собственных, скажем так, изобретений и открытий, а за счёт заимствований, ну, начиная с Византии. Можно сказать, ещё и раньше, но Византия — блестяща. Когдаходишь на яхте в любой город Адриатики, ты узнаешь русский, родной герб — он выгравирован, если так можно сказать, на мраморе во всех портах, куда бы ты ни заходил, на крепостных воротах и т.д.

Мы много чего позаимствовали у Византии, и законодательство, и иконопись. Мы продолжили это уже в более близкую эпоху — эпоху Ивана III, когда пригласили мастера Фиораванти, который нам не только Успенский собор и не только Кремль соорудил, он нам артиллерию поставил. У нас не было той артиллерии, которую Фиораванти с сыном создали в Москве. Мы взяли очень много у Германии, мы очень много взяли у Франции. Мы привнесли, если так можно сказать, огромное количество культуры из Италии. Недавно на семейной встрече я спросил пожилую итальянку: «Из того, что Италия дала России, можно составить потрясающий список. А вот что Россия дала Италии?». Она подумала и сказала: «Я не помню». А человек, в общем-то, трудится в культуре.

И Глинка, и все наши композиторы жили в Италии, где учились классической музыке. Алексей Михайлович просидел десять часов, слушая, вернее, внимая немецкому театру, который приехал в Москву, в Лефортово, и т.д. Саша Пушкин написал первое стихотворение, как мы с вами знаем из учебника, в пять лет на французском языке, а не на русском. И французская ритмика легла в основу стихосложения новой русской поэзии, которую мы называем «пушкинской», на самом деле не совсем точно. И учебники были написаны по аналогии с немецкими.

Список заимствований — колоссальный, но вопрос ведь в другом. Русские обладают тем феноменальным, я бы назвал это, может быть, грубовато... — это не бульон и не винегрет, это некий такой желудочный сок, который переваривает всё. И вот в этом бульоне рождается великая русская культура XIX столетия.

А. Н. Привалов

У Достоевского есть выражение «всемирная отзывчивость». Это лучше, чем «желудочный сок».

А. А. Черников

Да, красивее. Так вот мне очень близко определение базового свойства культуры

(то, о чём сказал Тамбовцев, но было известно задолго до нас с вами) как умение реагировать на изменения, сохраняя при этом целостность.

Говорить о единой русской культуре к семнадцатому году трудно, она была, мягко сказать, уже противоречива. И в оправдание, что авангард не разрушал культуру, — возьмите только одну фигуру Хлебникова, и вы увидите, как русский язык фантастически обогащался новыми смыслами, новой фонетикой, смысловой фонетикой в том числе. С корабля современности сбрасывали Пушкина как символа, но тут же возвращались в допушкинскую эпоху русского языка и т.д.

Если говорить вообще об авангарде, — я не хочу ударяться лишь в авангард, но это как пример, именно подтверждающий то, что Россия жила в разных временах, — авангард жил в будущем, и это после Гражданской войны. И до того было не сладкое-то время: три года Первой мировой и т.д., перед началом войны бунт в 42 губерниях из 48. Так что ничего такого идеалистического у нас не наблюдалось в этот исторический период. А авангард проживал в будущем, которое ему казалось наступившим. Это уже стало общеизвестным. Это был действительно авангард. И что самое интересное, точно по Бердяеву, это утопия, которая была реализована. Ни одна утопия до этого в мире, как мы знаем, не была реализована. Потому что утопия — это то, что находится далеко от того места, где ты её сочиняешь, она находится на острове, где угодно, у того же Кампанеллы, у того же Томаса Мора и пр.

Русские эту утопию стали реализовывать. К чему это привело, мы знаем. Но было ощущение будущего, с которым жила не только интеллигенция — рабочие московских заводов собирали деньги на ракету Чижевского, и это в двадцать первом году! Страна жила ожиданиями не только справедливости, великой справедливости, о которой всегда русские грезят, но и будущим. Потому как прошлое мы не помним и не любим, как люди конгломеративной культуры, мы очень легко отказываемся от прошлого, потому что оно, в общем-то, сборное.

Русская культура — это такая модель сборки. И, конечно, империя её держит, это уже становится понятным. А вот желание жить в будущем, выйти из настоящего, этот великий русский посыл «вперёд», минуя грешную, так сказать, действительность, малоинтересную, противную и некрасивую, — мне кажется, что этот шаг в другое время, и это очень интересное место для исследования русского менталитета и природы русской революции.

А. Н. Привалов

Господа, кто ещё хотел бы высказаться, прошу вас. [Из зала: «Вопрос исчерпан».] Вопрос исчерпан — это вряд ли: круг тем, который сегодня затронули наши докладчики и потом в выступлениях, исчерпать трудно. Но в соответствии с нашими привычками — завершающие слова обоих докладчиков. Прощу вас.

А. Н. Балдин

В первую очередь я благодарен всем, кто принял или возразил, или развил, или отринул эти мои изначальные, схематические идеи. Это было замечательно, потому

что к голой схеме добавилось много цвета и замечательных подробностей. Единственное, что меня немного смутило. Председательствующий попросил нас обозначить закономерности, правила, исторические «рифмы», которые в идеале помогли бы разобраться в том, что случилось сто лет назад в России. Иначе нас по-прежнему будут заливать волны разнообразных и разноголосых фактов, хаос фактов. Но, несмотря на эту просьбу и героические усилия докладчиков обозначить некую общую закономерность, мы всё же устремились в частности и подробности. С другой стороны, может, оно и к лучшему. И очень хорошо, я люблю множественные какие-то системы — и литературные, и архитектурные. В общем, это всё к лучшему. Но тревога осталась. Утопая в прекрасных подробностях, мы уходим от простых и очевидных вещей, от предупреждения большой истории, которая умеет рифмовать даты, сводить вместе тот и этот семнадцатые годы.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Прошу, Феликс Вельевич.

Ф. В. Разумовский

Наш сегодняшний разговор на меня произвёл такое впечатление, точнее, он как бы подтвердил давнее ощущение, что разговаривать на темы ментальности, сознания нам довольно сложно. Все мы вышли из шинелей исторического материализма. А этот предмет требует другой мысли, другой формулы, других категорий, и разговаривать на эту тему нам действительно сложно. И когда в такой сложной ситуации мы начинаем шутить, — это всегда приятно.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ну, если позволите, буквально несколько слов в завершение. Как все собравшиеся понимают, подвести какие бы то ни было итоги состоявшегося обсуждения — ну, это примерно как разрешить квадратуру круга. Это, как известно, не очень возможно. Но мне бы хотелось сказать, что наши сегодняшние докладчики, на первый взгляд, и многие из тех, кто с ними беседовали, спрашивали, делали реплики, — многие так и поняли, что идут плечом к плечу, что дают более или менее сходную картину. Они, на самом деле, дали полярные картины. И это чрезвычайно важно, потому что это и есть та самая многомерность, к которой призывает нас в своей схеме Андрей Николаевич.

Ведь Андрей Николаевич, в сущности, что нам сказал? Он нам сказал, что, исходя из его схемы, революция в России стала совершенно неизбежной, необъезжаемой от избытка, от того, что распирало нарастающее богатство содержания русского мира, которое не помещалось в более или менее плоские схемы, в которых пытались его удержать. Это одна точка зрения. Феликс Вельевич нам сказал, в сущности, совершенно обратное. Он сказал нам, что, исходя из анализа культурного контекста эпохи, предшествующей 1917 году, можно прийти к выводу, что революция стала неизбежной из-за нищеты; из-за того, что в обеих принципиальных частях её неслитного

сознания не то чтобы совсем иссякли, но как-то поменели [стало меньше] люди, которые готовы были считать Россию своей, готовы были заниматься её настоящим и будущим, готовы были всерьёз, как говорят теперь, в неё вкладываться. Никто не хотел этим заниматься более широко, выше своих каких-то личных интересов

Ведь будем же справедливы, господа, революция в России случилась на фоне великого национального подъёма, величайшего. Подъём образования, науки, искусства в России был такой, какого не было даже в эпоху пушкинскую, которую мы справедливо считаем «золотым веком». Вот и на фоне этого великого подъёма, с одной стороны, от избытка содержания, а с другой стороны, от нехватки людей, которые считали этот подъём своим, произошло нечто такое, что мы через 100 лет вспоминаем-вспоминаем, понимаем-понимаем, и ни вспомнить толком, ни понять толком не можем.

Ну, и хорошо. По крайней мере, мы стараемся. Спасибо!

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 87
Революция семнадцатого: культурный контекст

Редактор выпуска *Н. М. Румянцева*